

ПОСЛЕДНИЙ
В СМЕНЕ

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВКА

Алексей Петровка

Последний в смене

<https://litres.ru/74371624>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ночной врач Дымов два года следит, чтобы каждый бесплатный пациент не остался в холле. Таксистка Алена развозит таких же — без денег, за свой счет. В их смену привозят мужчину без документов. Он молчит, но он — единственный свидетель аварии, которую система хочет стереть. Дымов и Алена должны вывезти его до конца смены, пока не вышел приказ о переводе. Каждый вызов делает их связь опаснее. Что выберут они, когда на кону — не жизнь, а способ смотреть друг другу в глаза?

Содержание

Ночной приём	4
Чёрная папка	35
Знакомая серёжка	61
Приказ	74
Побег	91
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Алексей Петровка

Последний в смене

Ночной приём

Лампа над регистратурой мигает три раза подряд, и Дымов знает: сейчас погаснет совсем.

Он смотрит на неё, щурится. Дежурство тянется с восьми вечера, и каждая мигающая лампа — как отсчёт. Три. Два. Один.

Свет не гаснет. Дымов возвращается к журналу.

Запах хлорки лезет в ноздри, смешиваясь с застарелым потом — приёмный покой четвёртой больницы никогда не спит, он просто дышит чужими болезнями. Каталка у стены скрипит левым колесом, будто напоминает о себе. Дымов знает эту каталку. Она старше его самого. На ней возили ещё его предшественника, человека с фамилией, которую он уже не помнит, — только белый халат и привычка оставлять в столе твёрдые карамельки, которые Дымов до сих пор находит в ящиках.

Хлорка, карамельки, скрипящее колесо. Приёмный покой как живой организм. Он дышит, он помнит, он ждёт.

— Дымов, — Юля входит без стука, в руках у неё мятый список. — Социальные. Двенадцать человек.

Она почти кричит — глухота на левое ухо заставляет её говорить громче обычного. Юля ходит в больницу двадцать лет. Она помнит времена, когда приёмный покой называли «приёмником» и тут стояли железные кровати без матрасов. Она помнит, как Дымов пришёл сюда молодым ординатором, с дрожащими руками и застарелым шрамом на спине, который он объяснял невнятно и неохотно. Она помнит, как он учился говорить «нет» — и как до сих пор этому учится.

Дымов давно не замечает её крика.

— Двенадцать? — он не поднимает головы от журнала. — Вчера было восемь.

— Вчера было восемь, — соглашается Юля. — Сегодня двенадцать. Отдел соцзащиты прислал новых. Вон та старуха с третьего этажа, шрам на лбу, кирпичом задело. Ей некуда идти.

— Баба Надя?

— Она самая. И ещё трое с ночной смены завода. Трубы прорвало, цех затопило. У них нет документов — сгорели в бытовке.

Дымов трёт переносицу, потом проводит пальцами по краю стола. Дерево старое, шершавое, с выемкой от чьей-то давней злости — кто-то до него вдавил в столешницу ноготь, и след так и остался. Он водит по этой выемке, чувствуя её пальцем, и шов на спине начинает тянуть. Дренаж сняли год назад, а боль осталась. Иногда он просыпается от того, как тянет, — и лежит в темноте, вспоминая, как оказался на опе-

рационном столе.

— Список оставь. Утром посмотрю.

Юля не уходит. Она стоит, переминаясь с ноги на ногу, и смотрит на него в упор. Её пальцы нервно комкают край списка — бумага уже потёрлась на сгибе, там, где Юля перечитывает фамилии по десятому разу.

— Геннадий, ты их не переложишь. Я знаю, как ты работаешь.

— Я работаю по правилам.

— Правила — для тех, у кого есть документы. У этих нет ничего. Они «социальные», их можно отправить в любой интернат. Приказ подпишешь — и они твои до утра.

Дымов смотрит на Юлю. Она старше его на пятнадцать лет, и за эти пятнадцать лет она видела, как он приходил сюда с одним чемоданом, как ночевал в подсобке первые месяцы, как не отвечал на звонки. Она знает его лучше, чем он сам себя, и это иногда бесит.

— Список оставь, — повторяет он. — Я сказал — утром посмотрю.

Юля кладёт список на край стола. Пальцы у неё короткие, с обкусанными ногтями. Она держит бумагу так, будто это живое существо, которое она не хочет отпускать.

— Геннадий, ты же знаешь, что будет, если Звонцов узнает.

— Что он узнает? Что я оставил людей до утра?

— Что ты оставил людей до утра без оформления. Он

это называет «нецелевое использование расходных материалов». Ты же знаешь его.

Дымов закрывает журнал — сухой щелчок режет тишину. Он смотрит на Юлю, и та вдруг замолкает.

— Юля, ты можешь идти. Я разберусь.

Она смотрит на него ещё секунду, потом разворачивается и уходит. Дверь за ней не закрывается — петля заедает, и она остаётся приоткрытой, пропуская коридорный свет. Жёлтый, дрожащий, с тенями. Дымов смотрит на эту полосу света и думает, что петля, наверное, заедает с тех пор, как он тут работает. Иногда ему кажется, что весь приёмный покой держится на таких заевших петлях и старых привычках.

Он тянется к ящику стола, достаёт карамельку — твёрдую, розовую, в засаленной бумажке. Разворачивает. Леденец сладкий, приторный, и Дымов не понимает, зачем он его ест. Наверное, чтобы занять рот. Наверное, чтобы не сказать Юле то, что она на самом деле должна услышать.

— Геннадий Геннадьевич!

Голос — женский, надтреснутый. Из коридора. Дымов замирает с карамелькой за щекой.

Он скидывает голову.

Алёна стоит в дверях, придерживая под руку мужчину. На ней красная куртка-оверсайз с пришитым замком на рукаве — странная деталь, но зимой каждый греется как может. Замок болтается, металлическая молния стучит о пуговицу, и этот звук — металл о металл — слышен даже через гул

приёмного покоя.

Мужчина — лет тридцать пять, в грязной куртке, лицо бледное, лоб рассечён, кровь запеклась коркой. Он стоит, слегка покачиваясь, и Дымов замечает, как его пальцы сжимают рукав куртки Алёны — не больно, но цепко, как будто он боится упасть.

— Он говорит, что его сбила машина. Ночью. Возле 32-го километра.

Дымов смотрит на мужчину. Тот молчит. Смотрит куда-то в пол, на плитку с трещиной.

— ФИО. Возраст.

— Егор. Тридцать девять. Документов нет.

— Куда пойдёте без документов? — Дымов встаёт. — Как дышим?

Егор поднимает голову. В ухе — золотая серёжка, маленькая, с выбитой буквой. Он смотрит на Дымова, и глаза у него — тёмные, без блеска.

— Я видел, кто был за рулём.

Дымов замирает. Алёна тоже. Секунда — и она отворачивается, начинает говорить, быстро, слишком быстро:

— Он сидел на обочине, я подобрала. Мимо проезжала, ну не бросать же его. У него сотрясение, головой ударился — вон, шишка с кулак. Я могу довезти до травмпункта, но мы же не на седьмом небе, у меня бензин кончается, если что.

Она говорит и одновременно поправляет волосы. У Алёны длинные тёмные волосы, собранные в хвост, и она бере-

бит его, накручивает на палец. Дымов замечает, что у неё дрожат руки — мелко, почти незаметно, но дрожат.

— Алёна, — Дымов перебивает. — Он твой?

— Не мой. Просто человек на дороге.

— Он назвал адрес?

— Зачем ему адрес? Он сказал — 32-й километр. Я знаю этот поворот. Там как-то раз...

Она замолкает. Егор снова опускает голову.

Дымов делает шаг вперёд, сокращая расстояние. Смотрит на Егора, на его руки, на грязь под ногтями — въелась в кожу, не отмыть за день. Рабочий. Или бездомный. По одежде не скажешь. Но есть в нём что-то, что заставляет Дымова смотреть дольше, чем нужно. Не сочувствие. Не жалость. Что-то другое, похожее на узнавание.

— Документов нет. ФИО — Егор. Золотая серёжка.

Он говорит это себе, как записывает в журнал. Золотая серёжка с буквой. Буква, которую Дымов не может разглядеть, но которая кажется ему знакомой.

— Откуда у тебя эта серёжка?

Егор поднимает голову. Смотрит на Дымова долго, изучающе, и потом говорит:

— Подарок.

— Чей?

Егор не отвечает. Опускает голову, и больше не поднимает.

Юля появляется в дверях снова. Она видит Егора, и её

лицо меняется — становится жёстче, старше. Она смотрит на него так, как смотрит на людей, которых привозили сюда слишком много раз. Дымов знает этот взгляд. Это взгляд человека, который видел слишком много и уже не удивляется.

— Этот? Я знаю этого. Он с 32-го километра. Там неделю назад машину нашли, перевёрнутую. Девушка погибла.

Дымов поворачивается к ней.

— Откуда знаешь?

— Сестра моя в ГАИ работает. Говорит — дело закрыли. Несчастный случай. Водитель скрылся, только осколки остались.

Алёна делает шаг назад. Пальцы сжимают рукав куртки, замок на рукаве щёлкает — металл о металл. Она смотрит на Юлю, потом на Дымова, потом на Егора. Она как загнанный зверь, который ищет выход, но не находит.

— Я, пожалуй, поеду. Мне ещё смену до утра.

— Стой, — говорит он тихо, но она замирает. — Ты его привезла. Ты его и оформишь.

— Я не оформляю, я вожу, — она усмехается. — Таксист. Бесплатно не везут, а он не заплатил. Но я же не брошу его на обочине, верно?

Она смотрит на Дымова, и в этом взгляде что-то есть. Просьба. Или угроза. Дымов не может понять.

Егор поднимает голову.

— Домой мне нельзя. Меня ищут.

— Кто?

Он молчит. Опускает голову. Больше не поднимает.

Юля подходит ближе. Она смотрит на Егора, потом на Дымова.

— Геннадий. Надо вызвать полицию.

— Зачем?

— Он — свидетель. Авария, девушка погибла. Если он что-то видел, его надо допросить.

— Он ранен. У него сотрясение. Полиция может подождать до утра.

— Не может. Это дело закрыто. А если он сейчас скажет, что видел машину? Что ты будешь делать? Подпишешь отказ от госпитализации? Отправишь его на улицу?

Дымов молчит. Он смотрит на Егора, на золотую серёжку, на кровь на лбу. Он чувствует, как пальцы сжимают карамельку в кармане — она тает, липнет, но он не разжимает кулак.

— Я не отправлю его на улицу.

— Тогда куда он пойдёт? В подсобку? — Юля смеётся коротко, без веселья. — Ты же знаешь, что будет, если Звонцов узнает. Он у нас проверяет каждый случай.

— Звонцов спит в это время.

— Звонцов никогда не спит. Он как филин. Смотрит и слушает.

Дымов знает, что Юля права. Звонцов не спит. Звонцов — человек, который за двадцать лет работы в больнице ни разу не взял больничный. Человек, который помнит каждую

бумажку, каждую подпись, каждую ошибку. Дымов встречал таких людей. Он работал с ними. Он ушёл от них, когда понял, что они никогда не отпускают.

Он переводит взгляд на Егора. Тот сидит на краю кушетки, сгорбившись, и что-то шепчет. Дымов наклоняется ближе.

— ...она не должна была там быть. Она всегда говорила, что этот поворот проклятый. И она была права.

— Кто «она»?

Егор поднимает голову. В глазах — темнота, как на дне колодца. Дымов видит в них что-то знакомое. Он знает этот взгляд. Он видел его в зеркале, когда смотрел на собственное отражение после того, как его выписали из больницы. После того, как он вышел из операционной, где его собирали четыре часа.

— Она, — Егор повторяет. — Девушка из машины. Она была не одна.

Дымов замирает. Он слышит, как Юля за спиной перестаёт дышать. Он слышит, как Алёна делает шаг назад, и замок на рукаве её куртки снова щёлкает.

— Ты видел, кто был с ней?

Егор смотрит на него. Долго. И потом качает головой.

— Я видел только глаза. В зеркале заднего вида. Глаза человека, который смотрел на меня, когда уезжал.

— Ты был там?

— Я был там. Я всегда там. 32-й километр — моё место. Я

живу там, в будке у дороги. Я слежу за этой дорогой три года. Каждую ночь. Я видел, как она подъехала. Я видел, как он вышел из машины и уехал. Я видел, как она осталась лежать.

Дымов смотрит на Егора. Он не знает, верить ли ему. Но он знает одно: этот человек видел то, что не должен был видеть. И теперь он здесь, в приёмном покое, с рассечённым лбом и золотой серёжкой.

— Юля, — Дымов поворачивается к ней. — Принеси ему воды.

— Геннадий, ты не можешь просто...

— Принеси воды.

Юля смотрит на него долго. Потом разворачивается и уходит. Дымов слышит её шаги — тяжёлые, недовольные, скрипящие по линолеуму. Он смотрит на Алёну. Она стоит, прислонившись к дверному косяку, и что-то теребит в руках — ключи от машины. Ключи звенят, и сквозь этот звон Дымов слышит её дыхание — частое, прерывистое.

— Алёна. Ты знаешь, что он говорит правду?

Она поднимает голову. Смотрит на него с вызовом.

— Я знаю только то, что я подобрала его на обочине и привезла сюда. Всё остальное — его слова.

— Его слова — это свидетельские показания.

— Это не показания. Это бред человека с сотрясением мозга. Завтра он не вспомнит, что вообще здесь был.

Дымов смотрит на неё. Она отводит взгляд первой.

— Я не вызываю полицию, — говорит он. — Но ты оста-

нешься здесь. До утра.

— У меня смена.

— У тебя уже нет смены. Ты останешься здесь.

Алёна смотрит на него долго. Потом пожимает плечами.

— Как скажешь, доктор. Только мне надо позвонить.

Она достаёт телефон, отходит к окну. Дымов слышит её голос — тихий, быстрый:

— Да, это я. Нет, не могу говорить. Позже.

Она отключается, засовывает телефон в карман. Дымов видит, как её пальцы сжимаются в кулак, как она смотрит на Егора, который сидит на кушетке и смотрит в пол.

Он делает шаг к Егору.

— Ты помнишь, что было вчера?

— Вчера я был на дороге. Как всегда. Смотрел на фары.

— Ты видел машину. Ты видел девушку. Ты видел человека с глазами.

— Я видел глаза. Я их запомнил.

— Ты сможешь узнать этого человека?

Егор поднимает голову. Смотрит на Дымова долго, изучающе.

— Я смогу узнать его по глазам. Даже если он закроет лицо.

Дымов кивает. Он не знает, почему он верит этому человеку. Может быть, потому что он сам когда-то сидел на такой же кушетке и смотрел в пол, и кто-то поверил ему. Кто-то дал ему шанс.

Он слышит шаги Юли. Она возвращается с водой в пластиковом стаканчике. Она ставит стакан на тумбочку возле кушетки и смотрит на Дымова.

— Ты знаешь, что делаешь?

— Нет, — честно отвечает Дымов. — Но я не могу отправить его на улицу.

Юля кивает. Она не спорит. Она только смотрит на Егора, и в её взгляде Дымов видит то, что он видел много раз — усталость. Усталость человека, который уже всё видел и знает, что всё закончится плохо.

Дымов ведёт Егора к подсобке. Это маленькая комната за регистратурой, где хранятся старые каталки, сломанное кресло и коробки с бумагой. Здесь пахнет пылью и старым металлом. Егор ложится на кушетку, молчит.

— Воды дам. Позже принесу.

Егор кивает. Закрывает глаза. Дымов смотрит на него секунду, потом выходит, закрывает дверь. Поворачивается — и видит Алёну. Она стоит в коридоре, прислонившись к стене, и смотрит на него.

— Ты веришь ему.

— Я никому не верю.

— Тогда зачем ты это делаешь?

Дымов смотрит на неё. Она молодая, но глаза у неё старые. Он видел такие глаза у людей, которые пережили что-то, что нельзя пережить.

— Потому что он свидетель. А свидетелей не выбрасыва-

ют на улицу.

Алёна усмехается. Она достаёт пачку сигарет, но Дымов качает головой.

— Не здесь.

Она убирает пачку. Смотрит на дверь подсобки.

— Я не знала, что он там был.

— Где?

— На 32-м километре. Я не видела его. Я видела только её. Она лежала на обочине, и я испугалась. Я уехала.

Дымов молчит. Он не знает, что сказать. Он только слышит, как шов на спине начинает тянуть сильнее. Как будто старое ранение напоминает о себе. Как будто его собственное прошлое решает заговорить.

— Три года назад, — говорит Алёна. — Я ехала с работы. Ночная смена, я тогда работала в кафе на трассе. Устала, хотела домой. И вдруг — что-то в свете фар. Я нажала на тормоз, но было поздно. Я не знала, что там кто-то был.

— Ты уехала.

— Да. Я испугалась. Я не знала, что она погибла. Я думала, она просто упала, может быть, пьяная.

Дымов смотрит на неё. Она отводит взгляд.

— Три года я живу с этим. Каждую ночь. Я не могу спать. Я думаю об этом.

— Поэтому ты подобрала Егора?

Она смотрит на него. Долго. Потом кивает.

— Поэтому. Я думала, если я помогу ему, может быть, это

зачтётся. Может быть, она простит меня.

Дымов молчит. Он не говорит ей, что такие вещи не зачитываются. Он не говорит ей, что она будет жить с этим всю жизнь. Он просто смотрит на неё и думает о том, как много людей в этой больнице несут свои грузы.

— Иди, — говорит он. — Поспи здесь. В ординаторской есть кушетка.

— Спасибо, — она отворачивается, идёт к ординаторской. Потом останавливается, смотрит на него:

— Ты не скажешь Звонцову.

Дымов смотрит на неё. Он не отвечает.

Он проходит мимо регистратуры, смотрит на журнал. На столе лежит список Юли — двенадцать фамилий, написанных от руки. Он проводит пальцем по первой строчке, по фамилии «Надежда, 78 лет». Старуха с третьего этажа, которую задело кирпичом. Ей некуда идти.

Он закрывает глаза. Он помнит, как сам оказался на этом столе, в этом приемном покое, с дренажом в спине. Он помнит, как его привезли сюда на скорой, как Юля стояла над ним и кричала — из-за глухоты, а он не мог ответить. Он помнит, как Звонцов смотрел на него тогда — так же, как смотрел на дверь подсобки сейчас.

Он открывает глаза. Проводит рукой по лицу. Потом идёт к двери подсобки, открывает её. Егор лежит на кушетке, не спит — смотрит в потолок.

— Ты спишь?

— Нет.

Дымов садится на стул возле двери.

— Расскажи мне про 32-й километр.

Егор поворачивает голову. Смотрит на него.

— Я живу там. В будке у дороги. Сторож. Я сторожу дорогу. Ночью, когда машин мало, я сижу и смотрю на фары. Каждая машина — как маленькая судьба. Кто-то едет домой, кто-то от дома. Кто-то уезжает от прошлого, кто-то — к нему.

— Ты видел её?

— Я видел, как она подъехала. Она остановилась на обочине, вышла из машины. Я подумал, что ей нужно помочь. Но потом подъехала другая машина. Тёмная. С выключенными фарами. Она остановилась позади неё, и человек вышел.

— Ты видел его?

— Я видел его силуэт. Он подошёл к ней, и они разговаривали. Потом она села в машину, и он поехал. А она не поехала. Она осталась лежать на обочине.

— Ты не подошёл?

— Я не мог. Я был далеко. Я видел, но не мог.

Дымов смотрит на него. Он видит, как Егор сжимает руки в кулаки. Он видит, как его лицо напрягается.

— Я не мог, — повторяет Егор. — Я не мог ей помочь. Я просто смотрел, как она лежит. И это было самое страшное.

Дымов молчит. Он не знает, что сказать. Иногда говорить нечего.

Он выходит, закрывает за собой дверь. Стоит в коридоре, прижавшись спиной к стене. Шов на спине тянет — резко, до тупой болезненной пульсации. Он давит пальцами на место старого шрама, чувствуя, как под кожей натягиваются рубцы. Пот, холодный и липкий, проступает на лбу. Он вытирает его рукавом халата.

Он думает о том, что должен сделать. Он думает о том, что не делает. Он думает о том, что Звонцов придёт утром, и что он скажет ему.

Он стоит в коридоре, слушая тишину приёмного покоя. Лампа над регистратурой мигает снова, и в этот раз она гаснет. Тьма накрывает коридор, и Дымов стоит в ней, не двигаясь.

Где-то за стеной кашляет Егор. Кашель — сухой, обрывистый, как щелчок взведённого курка.

Дымов достаёт из кармана карамельку. Она растаяла, липнет к пальцам. Он смотрит на неё, потом на дверь подсобки. Потом на пустоту коридора, где через несколько часов появится Звонцов.

Он кладёт карамельку в рот. Сладкая, приторная, застревает в горле.

Он слышит шаги.

Звонцов стоит в коридоре, держит чёрную папку. Он смотрит на дверь подсобки, потом на Дымова.

— Геннадий Геннадьевич. Ночной приём. Спокойно?

— Спокойно, — Дымов делает паузу, сглатывает, прежде

чем ответить. — Что привело?

— Проверка журнала регистрации. Ночью должны быть записи о каждом поступившем. Я проверю.

Звонцов щёлкает замками папки. Достает тонкий реестр, начинает листать. Дымов смотрит на его пальцы — тонкие, с ровно подстриженными ногтями. Костюм отутюжен, хотя час ночи. Звонцов всегда выглядит так, будто его только что отгладили.

— За сегодня — два поступления. Выписка одной пациентки. Замечаний нет.

— Я работаю по правилам.

— Я знаю. Вы всегда работаете по правилам. Поэтому у вас лучший приёмный покой в больнице.

Дымов стоит, смотрит, как Звонцов листает страницы. Пальцы у Звонцова тонкие, с ровно подстриженными ногтями. Дымов думает о том, что эти пальцы никогда не знали ни хлорки, ни крови, ни чужой боли. Эти пальцы держат ручку и подписывают бумаги, и этого достаточно.

— Геннадий, у вас что-то с лицом?

— Нет. Устал просто.

— Усталость — плохой помощник в медицине. Вы спите достаточно?

— Сплю.

Звонцов закрывает папку. Смотрит на Дымова.

— У вас на полу что-то блестит.

Дымов опускает глаза. На полу, возле двери подсобки, ле-

жит клочок бумаги. Он наклоняется, поднимает.

Это окурок с надписью. От «Примы», дешёвой марки. На бумаге — химическим карандашом, неровно, написано: «Свидетель. 32-й км».

Он сжимает окурок в кулаке, бумага хрустит.

— Что это? — спрашивает Звонцов. Голос у него не меняется, но глаза — тёмные точки, внимательные.

— Мусор. Пациент обронил.

— Пациент? В вашем журнале всего два поступления. Оба без курительных привычек.

Дымов сжимает окурок крепче. Он чувствует, как бумага давит на ладонь, как хрустит под пальцами. Пот на лбу становится холодным. Он вытирает его тыльной стороной ладони.

Звонцов делает шаг в сторону подсобки. Останавливается у двери.

— Хорошо. Я зайду в подсобку сам. Проверю, всё ли в порядке.

Рука Звонцова уже на ручке. Дымов не двигается. Он думает: если Звонцов откроет дверь, он увидит Егора. Увидит золотую серёжку. Увидит свидетельство.

Он чувствует, как сердце начинает биться быстрее. Не от страха — от понимания, что сейчас решается всё. Он мог бы остановить Звонцова. Он мог бы сказать что-нибудь. Но слова застревают в горле, как карамелька, и он стоит, смотрит, как рука Звонцова ложится на ручку.

В кармане халата жужжит телефон. Звонцов замирает.

— Извините, — он достаёт телефон, смотрит на экран. Лицо меняется — становится жёстче, как будто кто-то выключил свет. — Мне нужно ответить.

Он отходит от двери. Говорит в трубку, коротко, официально:

— Слушаю. Да. Понял. Буду через двадцать минут.

Заканчивает разговор. Смотрит на Дымова.

— Срочный вызов. Но я вернусь. Утром сверю журнал, Геннадий. Если найду что-нибудь несоответствующее запишам... — он делает паузу. — Если завтра я найду что-то ещё, кроме этой серёжки, вы не только потеряете место — вы потеряете всё, что вам дорого.

Он уходит. Шаги стихают в коридоре.

Дымов стоит, прижавшись спиной к двери подсобки. Он чувствует, как рубашка липнет к спине — мокрая, холодная. Сердце колотится, толкается в рёбра. Он ждёт, пока шаги Звонцова совсем стихнут, и только потом выдыхает.

Он достаёт окурок из кармана, смотрит на надпись.

— Свидетель. 32-й км.

Он смотрит на окурок долго. Потом убирает его обратно в карман.

Юля появляется в конце коридора. Она смотрит на него, и в её взгляде — вопрос. Дымов качает головой.

— Всё нормально.

Она кивает, уходит. Дымов стоит, слушая тишину. Лампа над регистратурой мигает — снова зажглась. Жёлтый свет

дрожит, как будто лампа боится.

Дымов смотрит на дверь подсобки. Егор кашляет снова.

Он достаёт телефон. Пальцы дрожат — мелко, почти незаметно. Он открывает контакты и смотрит на номер, который не набирал год. Он знает, что этот номер всё ещё работает. Он знает, что человек на том конце всё ещё ждёт.

Он нажимает на вызов.

На том конце отвечают после первого гудка. Голос — низкий, спокойный, знакомый до боли.

— Геннадий.

Дымов молчит. Он слышит, как шов на спине тянет сильнее, как сердце колотится где-то в — Геннадий, — голос на том конце терпеливый, ровный. — Ты молчишь. Это не просто так.

Дымов сжимает телефон. Пальцы скользят по корпусу — липкие от карамельки. Он перекладывает трубку в другую руку, вытирает ладонь о халат.

— Мне нужна информация. По делу, которое закрыли.

— Какому?

— Авария на 32-м километре. Неделю назад. Девушка погибла. Дело закрыли как несчастный случай.

На том конце пауза. Дымов слышит, как человек перекладывает трубку, как скрипит стул. Потом голос возвращается — тише, осторожнее:

— Зачем тебе это, Геннадий?

— Свидетель появился.

— Свидетель? Дело закрыто. Свидетелей не бывает.

— Бывает. Он здесь, у меня.

Дымов почти физически слышит, как человек на том конце взвешивает слова. Эта пауза длится долго — слишком долго. Дымов смотрит на свои руки. Пальцы дрожат. Он сжимает их в кулак.

— Ты понимаешь, что делаешь? — наконец спрашивает голос.

— Нет. Поэтому и звоню.

— Дело закрыли не просто так. Там были люди, которым заплатили. Много. Если твой свидетель откроет рот, они придут за ним.

— Я знаю.

— И ты всё равно хочешь это сделать?

Дымов смотрит на дверь подсобки. Он слышит, как за ней кашляет Егор. Кашель — сухой, обрывистый, как щелчок взведённого курка. Он вспоминает, как сам лежал на такой же кушетке, с дренажом в спине, и смотрел в потолок. Тогда он тоже был свидетелем. Тогда он тоже видел то, что не должен был видеть.

— Он видел лицо, — говорит Дымов. — Он сможет опознать.

— Лицо? Ты уверен?

— Он говорит — глаза. Он запомнил глаза.

На том конце снова тишина. Дымов ждёт. Он слушает, как человек дышит в трубку. Это единственный звук, кроме

кашля Егора.

— Записывай, — говорит голос. — Девушку звали Ольга Смирнова. Двадцать шесть лет. Работала в кафе на трассе. Жила одна, съёмная квартира в городе. Машина — «Лада», серая, третий год владения.

Дымов достаёт ручку из кармана халата. Она не пишет. Он находит другую. Пишет на краю журнала регистрации, на полях, где Юля оставила список социальных.

— Кто был за рулём?

— Это не установлено. Но есть версия. У неё был парень. Бизнесмен, местный. Фамилия — Ковалёв. Игорь Ковалёв. У него «Тойота», тёмная. Он говорил, что они расстались за две недели до аварии.

Дымов замирает с ручкой в руке.

— Тёмная машина, — повторяет он. — Егор сказал — тёмная.

— Егор? Твой свидетель?

— Да. Он сторож на этом участке. Живёт в будке у дороги. Он видел, как она остановилась, как подъехала вторая машина. С выключенными фарами.

— Господи, — голос на том конце становится тише. — Геннадий, ты понимаешь, что это значит? Если это Ковалёв, то...

— То что?

— У него связи. Серьёзные. Он не просто бизнесмен. Он связан со Звонцовым.

Дымов чувствует, как пол холоднеет под ногами. Он смотрит в сторону регистратуры, туда, где уже через несколько часов появится Звонцов со своей чёрной папкой.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Поэтому я и ушёл из больницы, помнишь? Поэтому я не выдержал. Звонцов не просто главврач. Он — человек, который собирает информацию. На каждого. На тебя. На меня. На всех. Он знает, где кто работает, кто с кем спит, у кого какие долги. И он использует это.

Дымов молчит. Он смотрит на свои руки, на ручку в пальцах. Пальцы сжимают её так сильно, что костяшки белеют.

— Что мне делать? — спрашивает он.

— Не знаю. Если ты спрячешь свидетеля, Звонцов это узнает. Если ты отдашь его полиции, Ковалёв это узнает. Если ты оставишь его у себя, они придут за ним.

— А если я отдам его тебе?

На том конце пауза. Долгая. Дымов слышит, как человек вздыхает.

— Я больше не занимаюсь такими делами, Геннадий. Я ушёл. Я лечу людей. Это всё, что я умею.

— Ты умеешь больше.

— Это ты умеешь больше. Ты просто забыл.

Дымов чувствует, как слова врезаются в него. Он думает о том, сколько лет он работал здесь, в этом приённом покое, закрывая глаза на то, что видел. Он думает о том, сколько раз он подписывал бумаги, не читая. Сколько раз он отвора-

чивался.

— Позвони Ковалёву, — говорит голос. — Скажи, что свидетель у тебя. Скажи, что ты готов говорить. Может быть, он предложит тебе сделку.

— Я не торгую свидетелями.

— Тогда что ты делаешь, Геннадий? Что ты вообще делаешь?

Дымов не отвечает. Он слушает, как на том конце человек вздыхает, как трубка щёлкает, как голос становится прощальным:

— Если что-то случится, ты знаешь, где меня найти. Я не отключусь. Но я не смогу приехать.

Связь обрывается. Дымов держит телефон в руке, смотрит на экран. Экран гаснет. Он смотрит на своё отражение в тёмном стекле — бледное, с тёмными кругами под глазами. Он выглядит так, как выглядит человек, который не спал несколько дней.

Он убирает телефон в карман. Смотрит на дверь подсобки.

— Егор, — говорит он тихо. — Ты спишь?

Егор не отвечает. Дымов открывает дверь, заглядывает внутрь.

Егор лежит на кушетке, смотрит в потолок. Он не спит.

— Я слышал, как ты говорил по телефону, — говорит Егор. — Я слышал, что ты сказал про Ковалёва.

Дымов замирает в дверях.

— Ты знаешь его?

— Я знаю все машины на этой дороге, — Егор поворачивает голову, смотрит на Дымова. — «Тойота», тёмная, государственный номер 048. Он проезжает каждый вечер. Всегда один. Всегда с выключенными фарами. Я думал, он просто аккуратный водитель.

— Ты видел его в тот день?

Егор молчит. Он смотрит в потолок, и Дымов видит, как его лицо напрягается.

— Я видел, как он подъехал. Она вышла из машины, села к нему. Они разговаривали. Потом она вышла, и он уехал. Она пошла к своей машине, но не дошла.

— Что случилось?

— Я не знаю. Она упала. Я подумал, что ей плохо. Я хотел подойти, но было поздно. Он уже уехал. Она лежала на асфальте, а я стоял и смотрел.

Дымов садится на стул. Он чувствует, как ноги становятся тяжёлыми. Он смотрит на Егора, на его руки, сжатые в кулаки, на грязь под ногтями.

— Ты сказал, что он подъехал с выключенными фарами. Ты уверен?

— Уверен. Я смотрю на дорогу каждую ночь. Я знаю каждую машину, каждую фару, каждый поворот. Это моя работа — смотреть.

Дымов кивает. Он смотрит на свои руки. Он видит, как они дрожат — мелко, почти незаметно. Он сжимает их в ку-

лаки.

— Ты останешься здесь, — говорит он. — До утра.

— А потом?

— Потом я что-нибудь придумаю.

Дымов встаёт, выходит из подсобки, закрывает дверь. Он стоит в коридоре, прижавшись спиной к стене, и слушает, как в подсобке Егор кашляет. Кашель — сухой, обрывистый, как щелчок взведённого курка.

Он идёт к регистратуре, смотрит на журнал. Он открывает его на чистой странице и пишет:

«03:40. Поступил неизвестный, мужчина, примерно 35-40 лет. Травма головы. Документов нет. Оставлен в подсобке до утра».

Он смотрит на написанное. Потом закрывает журнал.

Он знает, что Звонцов увидит эту запись. Он знает, что Звонцов поймёт, что это за «неизвестный». Он знает, что Звонцов уже знает.

Он садится за стол, берёт ручку, начинает перебирать бумаги. Он не знает, что он ищет. Он не знает, что он делает.

Он смотрит на список Юли — двенадцать фамилий. Он проводит пальцем по первой строчке, по фамилии «Надежда, 78 лет». Старуха с третьего этажа. Ей некуда идти.

Он смотрит на свои руки. Они всё ещё дрожат. Он видит, как под ногтями засохла кровь — чужая, с лба Егора. Он трёт пальцы о халат, но кровь остаётся.

Он достаёт телефон, смотрит на экран. Он открывает кон-

такты и находит номер. Он смотрит на него долго. Потом убирает телефон.

Он сидит за столом, смотрит на лампу над регистратурой. Она мигает — снова. Три раза. Четыре. Пять.

Он вспоминает, как сам лежал в такой же подсобке, с дре-нажом в спине, и смотрел в потолок. Он вспоминает, как Юля стояла над ним и кричала — из-за глухоты. Он вспоминает, как Звонцов смотрел на него тогда. Как он смотрит на него сейчас.

Он слышит шаги. Они приближаются.

Он поднимает голову.

В коридоре стоит Алёна. Она смотрит на него. Она переоделась — на ней теперь больничная пижама, та, что выдают родственникам. Она держит в руках стакан с водой.

— Я принесла ему воду, — говорит она. — Ты сказал — принести.

Дымов смотрит на неё. Она выглядит старше, чем час назад. Они всегда так выглядят — после того, как скажут правду.

— Он спит, — говорит Дымов.

— Нет, не спит. Я слышала, как он кашляет.

Она идёт к подсобке, открывает дверь, заходит внутрь. Дымов слышит, как она говорит с Егором — тихо, почти шёпотом. Он не разбирает слов. Он слышит только голоса, приглушённые дверью.

Он смотрит на лампу. Она мигает снова. Три раза. Четыре.

Пять.

Он ждёт.

Алёна выходит из подсобки. Она закрывает дверь, смотрит на Дымова. В руках у неё — пустой стакан.

— Он сказал, что узнал меня.

Дымов молчит. Он смотрит на неё.

— Он сказал, что я была за рулём. Он сказал, что я тоже была там.

— Ты была.

— Я была, — она смотрит на стакан. — Но я не знала, что она погибла. Я думала, она просто упала. Я испугалась и уехала. Я не знала.

Дымов молчит. Он смотрит на неё, и она выглядит так, как выглядит человек, который несёт свой груз слишком долго.

— Он говорит, что прощает меня, — говорит Алёна. — Он говорит, что я не виновата.

Дымов смотрит на неё. Он видит, как её руки дрожат. Он видит, как она сжимает стакан, как пальцы белеют.

— Ты не знала, — говорит он. — Ты не можешь винить себя.

Алёна смотрит на него. Она кивает, но Дымов видит, что она не верит. Он видит, что она будет нести это с собой всю жизнь. Он знает этот груз. Он носит его сам.

— Иди спать, — говорит он. — Утром всё закончится.

Она уходит. Дымов слышит, как её шаги стихают в коридоре. Он смотрит на лампу.

Она мигает снова. Три раза. Четыре. Пять.

Он достаёт из кармана окурок. Он смотрит на надпись: «Свидетель. 32-й км».

Он сжимает его в кулаке. Он чувствует, как бумага хрустит. Он слышит, как за стеной кашляет Егор.

Он смотрит на дверь подсобки. Он знает, что должен открыть её. Он знает, что должен сделать выбор.

Он сидит за столом, в тишине приёмного покоя. Лампа над регистратурой мигает — три раза. Четыре. Пять.

Он не поднимает головы, когда слышит шаги в коридоре. Он знает, кто это.

Звонцов стоит в дверях. В руках — чёрная папка. Он смотрит на Дымова, потом на дверь подсобки.

— Геннадий Геннадьевич. Вы не спите.

— Не сплю.

Звонцов проходит в комнату. Он садится напротив Дымова, кладёт папку на стол. Он не открывает её. Он просто сидит и смотрит.

— Я знаю, что в подсобке кто-то есть, — говорит Звонцов.

— Я знаю, что это свидетель. Я знаю, что он видел то, что не должен был видеть.

Дымов молчит. Он смотрит на Звонцова. Он видит его глаза — тёмные, внимательные. Он видит его руки — тонкие, с ровно подстриженными ногтями. Он видит его папку — чёрную, закрытую.

— Что вы предлагаете? — спрашивает Дымов.

— Я предлагаю вам выбор, — Звонцов открывает папку. Внутри — бумаги. Дымов видит фотографию. Он видит лицо. Он видит тёмную «Тойоту» с государственным номером 048.

— Это Ковалёв, — говорит Звонцов. — Игорь Ковалёв. Он не просто бизнесмен. Он мой информатор. Он платит за то, чтобы я знал, что происходит в этом городе.

Дымов смотрит на фотографию. Он видит лицо человека, который, возможно, убил девушку. Он видит лицо человека, который, возможно, заставил Егора прятаться в будке у дороги.

— Он заплатил, чтобы дело закрыли, — продолжает Звонцов. — Он заплатил, чтобы свидетель не появился. Он заплатил, чтобы я смотрел в другую сторону.

Дымов смотрит на Звонцова. Он видит его губы — тонкие, сжатые. Он видит его руки — спокойные, неподвижные.

— Вы говорите мне это, потому что хотите, чтобы я сделал выбор, — говорит Дымов.

— Я говорю вам это, потому что вы должны знать, с чем вы имеете дело. Вы должны знать, что если вы откроете эту дверь, Ковалёв узнает об этом через десять минут. И он придёт.

Дымов смотрит на дверь подсобки. Он слышит, как за ней кашляет Егор.

— И что вы мне советуете?

Звонцов закрывает папку. Он смотрит на Дымова долго.

Потом встаёт.

— Я советую вам подумать, Геннадий Геннадьевич. Я советую вам вспомнить, кто вы. Я советую вам вспомнить, что вы обещали, когда подписывали контракт.

Он идёт к двери. Останавливается.

— Я вернусь утром. Я проверю журнал. Я проверю подсобку. Я проверю всё.

Он уходит. Шаги стихают в коридоре.

Дымов сидит за столом. Он смотрит на дверь подсобки. Он слышит, как за ней кашляет Егор.

Он достаёт из кармана окурок. Он смотрит на надпись: «Свидетель. 32-й км».

Он сжимает его в кулаке. Он чувствует, как бумага хрустит.

Он встаёт, подходит к двери подсобки. Он кладёт руку на ручку. Он стоит так долго.

Внутри кашляет Егор. Кашель — сухой, обрывистый, как щелчок взведённого курка.

Дымов открывает дверь.

Чёрная папка

Егор сжимал серёжку, когда Дымов открыл дверь.

Золото впиается в ладонь — до белых полумесяцев на костяшках. Он сидит на корточках у стеллажа с банками. Свет из коридора падает на его лицо — жёлтый, больничный.
— Что дышим? — спрашивает Дымов.

Егор поднимает голову. Кашляет, прикрываясь локтем. Серёжка звякает о стену.

— Дышится.

Голос сиплый, будто песком продранный. Дымов садится на ящик. Шов на спине тянет — он трёт плечо, не глядя.

— Ты понял, что я тебе сказал?

Егор кивает. Разжимает ладонь. Смотрит на серёжку — та вспыхивает под лампой, и свет бежит по ободку, как по воде.

— Она её носила всегда. Не снимала. Даже спала в них.

Дымов молчит. Слова не находятся — он смотрит на серёжку, и где-то в груди что-то поворачивается, тяжело, как задвижка.

— Ты никому об этом не скажешь, — говорит он. — Никому. Даже мне.

Егор смотрит на него. Кадык ходит вверх-вниз.

— Скажешь, — говорит Дымов. — Ты скажешь. Люди говорят. Это нормально. Но не сегодня. Не этой ночью.

Егор кашляет. Снова сжимает серёжку.

— Я видел, кто был за рулём.

Дымов замирает.

За стеной щёлкает холодильник. Замолкает. Тишина — плотная, как вата.

— Это был мужчина в чёрной куртке. Он вышел из машины. Он стоял над ней. Он смотрел на неё.

Дымов не двигается. Шов на спине начинает гореть.

— Ты ему это говорил?

Егор мотает головой. Сжимает серёжку так, что металл звенит.

— Он знает. Он знает, что я видел. Он знает, что я здесь.

— Откуда ты знаешь?

— Он приходил. Вчера ночью. Стоял у двери. Дышал.

— Слышал?

— Слышал.

— Что он говорил?

— Ничего. Просто стоял. Долго. Потом ушёл.

Дымов трёт плечо. Шов под пальцами — неровный, чужой.

— Ты его видел?

— Свет выключили. Только силуэт. В чёрном.

— Он был один?

Егор опускает голову. Смотрит на серёжку в ладони.

— Он был не один. С ним была женщина. Она стояла дальше, у лестницы. Я видел её тень.

Дымов смотрит на Егора. Смотрит на его руки.

— Ты её узнал?

Егор молчит. Сжимает серёжку. Кашляет.

— Я тебя спросил.

— Я не знаю. Я видел только тень. Она была в красном.

Или мне показалось.

Дымов встаёт. Подходит к двери. Смотрит в щель — коридор пуст. Лампа горит желтоватым светом.

— Ты кому звонил?

Егор поднимает голову. Достает из кармана телефон. Смотрит на экран. Палец скользит по стеклу.

— Никому.

— Ты кому-то звонил. Я видел.

Егор кашляет. Прячет телефон в карман.

— Это была не я.

— Кто?

— Человек, который знает.

Дымов смотрит на него. На руки. На серёжку. На тёмные круги под глазами.

— Что значит — знает?

— Он знает, где я. Он знает, что я здесь. Он знает, что я видел.

— Кто он?

Егор молчит. Сжимает серёжку.

— Ты боишься его?

Егор не отвечает. Смотрит на стену. На банки с огурцами. На свои руки.

— Я не боюсь. Я должен был позвонить. Я обещал.

— Что обещал?

— Передать, что я жив. Что я всё ещё помню.

Дымов смотрит на телефон в его кармане.

— Кому ты обещал?

Егор поднимает глаза. Взгляд — тёмный, неподвижный.

— Её отцу. Я обещал её отцу, что буду жив. Что я расскажу всё, что видел.

Дымов молчит.

— Её отец знает, что ты здесь?

— Он знает, что я где-то. Я должен был позвонить. Я не знал, куда ещё.

— Ты ему сказал, где ты?

— Нет. Я не успел. Он сказал, что сам найдёт.

— Он знает, кто это сделал?

Егор молчит. Смотрит на стену.

— Я не знаю. Я не успел сказать. Он сказал, что сам всё знает. Он сказал, что уже нашёл.

— Что значит — нашёл?

Егор кашляет. Сжимает серёжку.

— Он сказал, что тот человек уже мёртв.

Дымов замирает. Холодильник за стеной гудит.

— Кто мёртв?

— Тот, кто был за рулём. Он сказал, что сам нашёл его. Он сказал, что тот уже не сможет говорить.

— Он тебе сказал, как его зовут?

Егор молчит.

— Он сказал, что я не должен ничего говорить. Он сказал, что сам разберётся. Он сказал, чтобы я молчал. Он сказал, что если я скажу, то она умрёт второй раз.

— Кто он?

Егор поднимает голову.

— Он — её отец. Он — тот, кто обещал мне, что я буду жив. Он — тот, кто дал мне эту серёжку.

Дымов смотрит на серёжку в его ладони.

— Дай мне её.

Егор сжимает кулак.

— Она моя.

— Дай мне её.

— Она моя. Она была её. Она моя.

— Ты доверяешь ему?

Егор смотрит на серёжку. На Дымова. На дверь.

— Я доверяю ему больше, чем вам.

Дымов встаёт. Смотрит на Егора сверху вниз.

— Ты никому не говори, что видел. Даже мне. Ты понял?

Егор кивает. Но Дымов видит, как он дрожит. Видит, как пальцы сжимают серёжку. Видит, как он смотрит на телефон в кармане.

Дымов закрывает дверь. Стоит в коридоре. Слышит, как за дверью Егор дышит — сухо, с хрипом.

В коридоре горит одна лампа. Не мигает — просто горит, желтоватым светом. Дымов стоит и смотрит на дверь под-

собки. Он думает о том, что Звонцов мог вернуться в любой момент. Он думает о том, что не знает, как его остановить.

Шаги.

Они лёгкие, но он слышит их с середины коридора. Останавливаются в трёх метрах.

— Геннадий Геннадьевич.

Дымов оборачивается. В конце коридора стоит Алёна. В красной куртке-оверсайз, замок на рукаве расстёгнут. Смотрит на дверь подсобки.

— А вы не спите.

— Что дышим?

Она усмехается. Подходит ближе. Не смотрит на дверь, но взгляд её скользит по щели между дверью и косяком.

— Вы его прячете. Я знаю.

Дымов молчит.

— Он — свидетель. Он видел ту аварию. Он видел машину.

— Я заберу папку.

— Какую папку?

— Чёрную. С надписью «Реестр». Которая у Звонцова.

Алёна вглядывается в него, не мигая. Улыбка не касается её губ. Достает из кармана сигареты. Вертит их в руке, не зажигает.

— Ты не заберёшь. Ни где она, ни что в ней — ты не ведает.

— А ты знаешь?

— Я знаю больше, чем ты думаешь.

— Тогда скажи.

— Я не скажу просто так. Бесплатно не везут.

Дымов смотрит на неё. Шов на спине тянет.

— Я заберу папку. Ты покажешь мне, где она.

Алёна смотрит на него — и пальцы её белеют на собачке куртки.

— Ты не понимаешь. Звонцов не просто бюрократ. Он знает о моём прошлом. Он знает о той аварии. Он шантажирует меня.

Дымов молчит.

— Три года назад. Я была за рулём. Я сбила её. Его дочь.

Говорит это спокойно. Будто адрес вслух проговаривает. Будто список покупок читает.

— Он знает. Он держит меня на крючке. Он ведёт реестр всего. Всех, кто ему должен.

— Ты — его сообщница.

— Я — его должница. Это другое.

Отворачивается. Смотрит в конец коридора, где темно.

— У меня есть доступ к его кабинету. Он даёт мне ключи, когда уезжает. Я поливаю его цветы.

— Тогда заберёшь папку ты.

Она оборачивается. Усмехается.

— А что взамен?

— Я тебя прикрою. Я скажу всем, что ты на меня работаешь. Я скажу, что ты — моя. Он не тронет тебя.

— Ты не знаешь, на что он способен. Я — знаю.

— Ты знаешь, что он сделал с её отцом?

Алёна замирает. Палец на собачке куртки застывает.

— Что?

— Её отец жив. Он знает, кто был за рулём. Он сказал

Егору, что тот человек уже мёртв.

Алёна смотрит на него. Долго. Не мигает.

— Это не я.

— Я не говорю, что ты.

— Ты это сказал.

— Я сказал, что он знает. Я сказал, что он нашёл. Я не сказал, что это ты.

Алёна смотрит на него. На дверь подсобки. На свои руки.

— Он не мог найти его. Он не мог. Он... он стар. Он болен. Он не может.

— Откуда ты знаешь, что он стар?

Алёна замирает.

— Я не знаю. Я просто... я не знаю.

Она отворачивается. Смотрит в конец коридора, где темно. На ступеньки лестницы.

— Завтра. В шесть утра. Я принесу папку. А ты уговоришь Звонцова отпустить Егора.

— Почему ты мне помогаешь?

— Я не помогаю. Я торгуюсь.

— Чем?

Она смотрит на него. На дверь подсобки. На свои руки.

— Тем, что я знаю. Тем, что я видела.

— Что ты видела?

Она молчит.

— Я видела, как Звонцов выходил из её дома. Через день после аварии. Он выходил с папкой в руках.

— Он был там?

— Он был там. Он был там и улыбался.

— Откуда ты знаешь, что он улыбался?

— Я видела. Я стояла напротив. Я видела его лицо. Он улыбался.

Она отворачивается. Идёт в конец коридора, к лестнице. Останавливается на первой ступеньке.

Она уходит. Шаги стихают.

Дымов стоит в коридоре. Смотрит на пустую лестницу. Шов на спине горит.

Он возвращается к подсобке. Заглядывает в щель. Егор сидит на ящике. Сжимает серёжку. Смотрит на телефон в руке. Палец скользит по экрану.

Дымов отворачивается. Идёт по коридору. Слышит, как за спиной в подсобке кто-то говорит. Не разбирает слов. Но слышит голос. Не знает, с кем говорит Егор. Не знает, кому он звонит.

В кабинете Звонцова горит свет. Дымов стоит у двери. Слышит, как за ней движется стул, скрипит бумага. Поднимает руку. Стучит.

— Да.

Дымов открывает дверь. Внутри пахнет табаком и бумагой. На столе — чёрная папка с металлическими уголками. На обложке вытиснено «Реестр».

— Геннадий Геннадьевич. Не спится?

Дымов смотрит на папку. На фотографию девушки в рамке. Она лежит на столе лицом вниз. Видно только обратную сторону, где стоят цифры.

— Я пришёл поговорить о Егоре.

Звонцов закрывает папку. Откидывается на спинку стула.

— О больном из подсобки? Я решил вопрос. Он переводится в другую больницу. В шесть утра приедет машина.

Дымов молчит. Смотрит, как Звонцов достаёт из ящика стола лист бумаги. Кладёт на стол. Пододвигает к Дымову.

— Приказ. Подписан. Можете ознакомиться.

Дымов берёт бумагу. Она шершавая, с помятыми краями. Смотрит на подпись. На дату. Видит пятна. Тёмные, почти коричневые. Не знает, что это — кофе или кровь.

— Он в надёжных руках. Я обо всём позаботился. Как всегда.

Дымов сжимает бумагу. Край листа впивается в ладонь.

— Вы не можете. Он — свидетель.

Звонцов улыбается.

— Свидетель чего? Свидетель аварии? Той, про которую все забыли? Той, которая не попадала в сводки?

Дымов молчит.

— Вы помните свой контракт, Геннадий Геннадьевич? Вы

помните, что вы обещали? Вы помните, что вы не задаёте вопросов?

Дымов сжимает бумагу. Смотрит на пятна. Шов на спине горит.

— Вы не посмеете.

Звонцов встаёт. Подходит к Дымову. Достает из кармана ключи. Поворачивает их в руке. На брелоке — чёрный, потёртый. Дымов смотрит на ключи. Узнаёт их. Видел такие. Знает, к какой машине они подходят.

— Уже посмел.

Улыбается. Кладёт ключи в карман. Смотрит на Дымова долго.

Дымов стоит в кабинете. Сжимает бумагу с пятнами. Смотрит на фотографию девушки лицом вниз. Слышит, как за стеной кашляет Егор.

— Это её отец.

Звонцов замирает. Улыбка сползает с его лица.

— Что?

— Её отец. Он жив. Он знает, кто был за рулём.

Звонцов смотрит на него. Долго. Не двигается.

— Это ложь.

— Это правда. Егор говорил с ним. Он сказал ему, что нашёл виновного.

Звонцов молчит. Пальцы сжимают ключи.

— Он жив. Он знает. Он уже нашёл.

Звонцов смотрит на ключи в руке. На дверь.

— Кто он?

— Я не знаю. Егор не сказал.

Звонцов смотрит на него. На бумагу в его руках. На пятна.

— Уходите. Уходите сейчас.

Дымов стоит.

— Я заберу Егора.

— Уходите. Уходите, пока я не вызвал охрану.

Дымов смотрит на папку. На фотографию девушки лицом

вниз.

— Я заберу Егора.

Он кладёт бумагу на стол. Разворачивается. Идёт к двери.

— Геннадий Геннадьевич.

Дымов останавливается.

— Вы помните, что вы обещали. Вы помните, что вы не задаёте вопросов.

Дымов не оборачивается.

— Я помню.

— Тогда почему вы задаёте вопросы?

Дымов молчит. Смотрит на дверь.

— Потому что я помню.

Он открывает дверь. Выходит в коридор. Закрывает за собой дверь. Слышит, как внутри кабинета что-то падает. Слышит, как Звонцов дышит.

Идёт по коридору. Подходит к подсобке. Открывает дверь.

Егор сидит на ящике. Сжимает серёжку. Смотрит на Ды-

мова.

— Мы уходим.

— Куда?

— Не знаю. Но мы уходим.

Егор встаёт. Кашляет. Сжимает серёжку.

— Он придёт.

— Кто?

— Тот, кто знает.

Дымов смотрит на него.

— Он уже здесь.

Егор смотрит на дверь. На серёжку.

— Он придёт.

Убирает серёжку в карман. Идёт к двери. Останавливается на пороге. Смотрит на Дымова.

— Вы знаете, что она была права?

— О чём?

— О нём. Она всегда говорила, что он придёт. Она всегда говорила, что он не оставит.

— Она говорила о ком?

Егор смотрит на него. В глазах — тёмная глубина.

— О своём отце. Она говорила, что он придёт. Она говорила, что он найдёт. Она говорила, что он не оставит её.

Он выходит в коридор.

Дымов стоит в подсобке. Смотрит на банки с огурцами. На стеллаж. На ящик, где сидел Егор.

На ящике лежит серёжка. Вторая. Золотая. Такая же, как

та, что сжимал Егор.

Дымов берёт её. Она тёплая.

Где-то далеко начинает звонить телефон. Звонцов отвечает. Голос Звонцова становится тише.

Дымов сжимает серёжку в ладони. Она впивается в кожу.

Она была её. Она была у него. И теперь она здесь.

Он кладёт её в карман. Выходит в коридор. Идёт к лестнице.

Внизу, в холле, горит свет. Дымов видит Егора. Он стоит у двери. Смотрит на улицу.

— Он придёт.

Дымов подходит к нему. Смотрит в окно. На улице темно. Только фонарь у входа горит жёлтым.

— Я знаю.

Он достаёт из кармана серёжку. Смотрит на неё. На Егора.

— Это её.

Егор смотрит на серёжку.

— Откуда она у вас?

— Она была в подсобке. На ящике.

Егор смотрит на свой карман. Достаёт свою.

Он смотрит на две серёжки. Они одинаковые.

— Она носила одну. Она отдала вторую.

— Кому?

— Тому, кто обещал ей, что будет жив.

— Кто он?

Егор смотрит на него. В глазах — тёмная глубина.

— Тот, кто знает. Тот, кто пришёл.

Он разворачивается. Открывает дверь. Выходит на улицу.

Дымов стоит в холле. Сжимает серёжку. Смотрит на дверь.

Слышит, как за спиной, на лестнице, кто-то спускается.

Не оборачивается. Слышит шаги. Они приближаются.

— Вы забыли свою бумагу, Геннадий Геннадьевич.

Дымов не оборачивается. Сжимает серёжку. Смотрит на дверь, за которой исчез Егор.

— Она не моя.

Выходит на улицу. Холодный воздух бьёт в лицо. Видит Егора. Тот стоит у столба. Смотрит на дорогу.

— Он придёт.

Дымов подходит к нему. Смотрит на дорогу. На тёмные окна домов.

— Я знаю.

Достаёт серёжку. Смотрит на неё. На Егора.

— Кто он?

Егор смотрит на него.

— Я не знаю. Она не сказала. Она сказала только, что он придёт. Она сказала, что он не оставит.

Дымов смотрит на серёжку. На дорогу.

Где-то далеко гудит мотор. Фары. Они приближаются.

Егор смотрит на фары. Сжимает серёжку.

— Он пришёл.

Дымов смотрит на фары. На Егора.

Машина останавливается в тридцати метрах. Фары гаснут. Двигатель замолкает.

Егор делает шаг назад. Пальцы сжимают серёжку. Дымов слышит, как металл звенит о металл.

— Стой.

Егор не останавливается. Смотрит на машину. Смотрит, как открывается дверь.

Из машины выходит человек. Высокий. В чёрной куртке. Идёт к ним — не спеша, тяжёлым шагом, будто несёт на плечах мешок с песком.

Дымов смотрит на его руки. Видит, как одна рука опущена вдоль тела. В ней что-то блестит.

— Егор.

Голос низкий. Без хрипотцы. Чистый, как стекло.

Егор стоит. Не двигается. Смотрит на человека.

— Я пришёл. Как обещал.

Дымов видит, как плечи Егора опускаются. Как он выдыхает. Как пальцы разжимаются, и серёжка падает в карман.

— Ты сказал, что не знаешь его.

— Я не знал. Я не знал, что это он.

— Но ты ждал его.

Егор молчит. Человек подходит ближе. Останавливается в трёх шагах.

— Ты — Дымов.

Дымов молчит.

— Я слышал о тебе. Я слышал, что ты спрашиваешь о той

аварии. Я слышал, что ты ищешь правду.

Дымов смотрит на его руки. На блеск в ладони.

— Кто ты?

Человек улыбается. Поднимает руку. В ней — серёжка.

Золотая. Такая же, как те две.

— Я — её отец. Я — тот, кто обещал ей, что найдёт.

Он смотрит на Егора. На Дымова.

— Я искал три года. Я ждал. Я верил, что он придёт.

— Кто?

Человек смотрит на Дымова. Долго. На его руки. На его шрам.

— Ты не знаешь. Ты не знаешь, кто он. Ты не знаешь, кто ты.

— Я знаю, кто я.

— Нет. Ты не знаешь. Ты думаешь, что ты — санитар. Ты думаешь, что ты — никто. Ты думаешь, что ты просто пришёл сюда работать.

Он делает шаг ближе.

— Но ты — не просто санитар. Ты — тот, кто был на той дороге. Ты — тот, кто видел ту машину. Ты — тот, кто помнит ту ночь.

Дымов смотрит в его глаза. Видит в них холодную глубину.

— Я не помню.

— Ты помнишь. Ты помнишь, но ты прячешь. Ты прячешь от себя. Ты прячешь от всех.

Он протягивает руку. Раскрывает ладонь. На ней — серёжка.

— Ты знаешь, чья это. Ты знаешь, кто её носил. Ты знаешь, кто её снял.

Дымов смотрит на серёжку. На человека. Слышит, как где-то далеко капает вода.

— Я не знаю.

— Ты знаешь. Ты знаешь, но ты боишься. Ты боишься, что если ты вспомнишь, то не сможешь жить дальше.

Дымов молчит. Смотрит на серёжку.

— Ты был там. Ты был на той дороге. Ты видел ту машину. Ты видел, как она вышла на обочину. Ты видел, как он сбил её.

— Я не был там.

— Ты был. Ты стоял у дороги. Ты курил. Ты видел всё.

— Откуда ты знаешь?

Человек смотрит на него. Долго. Потом переводит взгляд на серёжку в своей ладони.

— Потому что я тоже был там, — говорит он. — Я видел, как ты стоял. Я видел, как ты смотрел. Я видел, как ты ушёл, не обернувшись.

Дымов качает головой. Шаг назад. Асфальт скрипит под подошвой.

— Я не был там. Я бы запомнил.

— Ты бы запомнил, если бы захотел. Но ты не захотел. Ты спрятал это так глубоко, что сам поверил, будто ничего

не видел.

Человек делает шаг ближе. Дымов чувствует запах — табак и старая кожа. И что-то ещё. Металл. Сырость.

— Ты знаешь, что было в той машине, — говорит человек.
— Ты знаешь, кто сидел за рулём. Ты знаешь, кто вышел из неё и ушёл, пока она лежала на асфальте.

Дымов сжимает серёжку в кармане. Край впивается в ладонь. Боль — острая, настоящая. Он цепляется за неё, как за поручень.

— Я не помню ту ночь, — говорит он.

— Ты помнишь не ту ночь. Ты помнишь другую. Ты помнишь, как стоял у дороги. Как курил. Как услышал визг тормозов. Как обернулся.

Дымов закрывает глаза. В темноте под веками что-то вспыхивает. Свет фар. Мокрый асфальт. Звук — короткий, глухой, как удар мешком по бетону.

— Видишь, — говорит человек. — Ты помнишь.

Дымов открывает глаза. Смотрит на человека. На серёжку в его ладони. На Егора — тот стоит у столба, сжавшись, будто ждёт удара.

— Зачем ты пришёл? — спрашивает Дымов.

— Я пришёл за ней, — говорит человек. — Я пришёл забрать то, что принадлежит мне.

— Она мертва.

— Она не мертва, — говорит человек. — Она спит. Она ждёт, пока я найду того, кто это сделал.

— Ты сказал Егору, что тот человек мёртв.

— Я сказал, — говорит человек. — Я соврал.

Дымов смотрит на него. Ветер шевелит полы его куртки. Свет фонаря падает на лицо — жёсткое, с глубокими морщинами — Я соврал, — говорит человек. — Я сказал, что нашёл его. Я сказал, что он мёртв. Я хотел, чтобы он перестал бояться.

Дымов смотрит на него. Ветер задувает под куртку, холодный, сырой. Где-то далеко лает собака.

— Ты не знаешь, кто это сделал.

— Я знаю, — говорит человек. — Я знал с самого начала. Я просто не мог доказать.

— Кто?

Человек смотрит на Дымова. Долго. Потом переводит взгляд на Егора — тот стоит у столба, вжав голову в плечи.

— Ты не готов, — говорит человек. — Ты не готов услышать.

Дымов делает шаг вперёд. Серёжка в кармане впивается в ладонь.

— Я готов.

Человек качает головой. Убирает серёжку в карман куртки. Смотрит на дорогу, на тёмные окна больницы.

— Ты думаешь, что ты — санитар. Ты думаешь, что ты пришёл сюда работать. Ты думаешь, что ты случайно оказался в ночной смене, в этом коридоре, в этой подсобке.

— Я знаю, кто я.

— Ты знаешь, кем ты стал, — говорит человек. — Но ты не знаешь, кем ты был.

Он смотрит на Дымова. Взгляд тяжёлый, как мокрая ткань.

— Ты был водителем, — говорит человек. — Ты возил грузы. Ты работал на Звонцова.

Дымов молчит. Смотрит на человека. Слышит, как ветер гудит в проводах.

— Ты не помнишь, — говорит человек. — Конечно, не помнишь. Ты потерял память после аварии. Твоей аварии.

— У меня не было аварии.

— Была. Три года назад. Ты вёл машину. Ты вёз груз. Ты сбил девушку на обочине.

Дымов качает головой. Шаг назад. Асфальт хрустит под подошвой.

— Я бы помнил.

— Ты не помнишь, потому что ты не хочешь помнить. Ты спрятал это так глубоко, что сам поверил, будто этого не было.

— Откуда ты знаешь?

Человек достаёт из кармана куртки что-то — свёрнутый лист бумаги, пожелтевший, с загнутыми углами. Протягивает Дымову.

— Прочитай.

Дымов берёт лист. Разворачивает. Бумага шершавая, пахнет пылью и старым табаком. Сверху — штамп. Размытый,

но читаемый. «Городская клиническая больница №4. Выписка из истории болезни».

Дымов читает. Слова прыгают перед глазами, складываются в строки. «Пациент: Дымов Геннадий Геннадьевич. Диагноз: закрытая черепно-мозговая травма, посттравматическая амнезия. Дата поступления: 14 октября, 03:40».

Он смотрит на дату. Пальцы дрожат. Лист ходит ходуном.

— Это не я, — говорит он.

— Это ты, — говорит человек. — Ты поступил в ту же ночь. Через час после аварии. Тебя привезли с разбитой головой. Ты был без сознания. Ты очнулся через три дня и ничего не помнил.

Дымов смотрит на лист. На штамп. На дату.

— Зачем ты мне это показываешь?

— Затем, что ты должен вспомнить, — говорит человек.

— Ты должен вспомнить, что ты был там. Ты должен вспомнить, что ты видел.

— Я не видел.

— Ты видел, — говорит человек. — Ты видел, как она вышла на обочину. Ты видел, как машина вылетела из темноты. Ты видел, как он сбил её. И ты видел, как он ушёл.

— Кто?

Человек смотрит на него. Долго. Молчит.

— Ты знаешь, кто, — говорит он. — Ты всегда знал. Ты просто не позволял себе вспомнить.

Дымов смотрит на лист. На свои руки. На серёжку, кото-

рую всё ещё сжимает в кармане.

— Я не могу, — говорит он. — Я не могу вспомнить.

— Ты можешь, — говорит человек. — Ты просто не хочешь. Потому что если ты вспомнишь, ты не сможешь жить дальше. Ты не сможешь смотреть на себя в зеркало.

Дымов молчит. Ветер гудит в проводах. Где-то далеко хлопает дверь.

— Как ты нашёл меня? — спрашивает он.

— Егор, — говорит человек. — Он позвонил мне. Он сказал, что ты здесь. Он сказал, что ты спрашиваешь о той аварии.

— Он не знал, что это ты.

— Я не сказал ему. Я сказал, что я — друг её отца. Я сказал, что я помогу.

Дымов смотрит на Егора. Тот стоит у столба, смотрит на дорогу. Руки в карманах. Плечи подняты.

— Он не знает, — говорит человек. — Он не знает, кто я. Он не знает, кто ты.

— Зачем ты пришёл?

— Я пришёл забрать Егора, — говорит человек. — Я пришёл увезти его отсюда, пока Звонцов не отправил его в другую больницу.

— Ты не можешь. Он — свидетель.

— Он — мальчик, — говорит человек. — Он видел то, что не должен был видеть. Он чуть не умер из-за этого. Он не будет говорить.

— Ты не знаешь.

— Я знаю, — говорит человек. — Я знаю, потому что я обещал её отцу, что защищу его.

Дымов смотрит на человека. На лист в руке. На Егора.

— Ты — её отец? — спрашивает он.

Человек молчит. Смотрит на дорогу. Потом переводит взгляд на Дымова.

— Я — её отец, — говорит он. — Я — тот, кто обещал ей, что найдёт.

Он протягивает руку. На ладони — серёжка. Золотая. Такая же, как те две.

— Она носила одну, — говорит он. — Она отдала вторую мне. Она сказала, что я найду.

Дымов смотрит на серёжку. На человека. На Егора.

— Ты не её отец, — говорит он. — Ты — тот, кто был за рулём.

Человек замирает. Рука с серёжкой застывает в воздухе.

— Ты видел меня, — говорит он. — Ты вспомнил.

— Я не вспомнил, — говорит Дымов. — Я понял. Ты сказал, что искал три года. Ты сказал, что ждал. Но ты не искал. Ты прятался.

Человек опускает руку. Смотрит на Дымова. Взгляд тяжёлый, неподвижный.

— Ты был за рулём, — говорит Дымов. — Ты сбил её. Ты ушёл. И ты искал не убийцу. Ты искал того, кто видел.

Тишина. Ветер стихает. Фонарь у входа мигает — раз, вто-

рой.

Егор смотрит на человека. Глаза широкие. Пальцы сжимают серёжку в кармане.

— Это правда? — спрашивает Егор.

Человек молчит. Смотрит на дорогу. На тёмные окна больницы. На Дымова.

— Что ты будешь делать? — спрашивает он.

Дымов смотрит на него. На серёжку в его ладони. На Егора.

— Я вызову полицию, — говорит Дымов.

Человек улыбается. Криво, одними губами.

— Ты не вызовешь, — говорит он. — Ты не можешь.

— Почему?

— Потому что ты — водитель, — говорит человек. — Ты вёз груз. Ты вёз его для Звонцова. Ты остановился у обочины. Ты видел всё. Ты ушёл, не обернувшись. Ты — свидетель.

Дымов смотрит на него. На лист в руке. На штамп. На дату.

— Ты не помнишь, — говорит человек. — Но я помню. Я помню, как ты стоял у дороги. Я помню, как ты смотрел.

Дымов сжимает лист. Край рвётся.

— Ты был там, — говорит человек. — Ты видел всё. Ты видел, как она вышла на обочину. Ты видел, как я сбил её. Ты видел, как я ушёл.

Дымов молчит. Смотрит на человека. Слышит, как где-то

далеко начинает капать вода.

— Ты был там, — говорит человек. — Ты был там, но ты не помнишь. Я помогу тебе вспомнить.

Он делает шаг ближе.

— Ты был там, — говорит он. — Ты видел всё, но не помнишь. Я помогу тебе вспомнить.

Знакомая серёжка

Человек в чёрной куртке не двигается. Он стоит под фонарём, и его тень ложится на мокрый асфальт длинной, рваной полосой. Ира видит, как он смотрит на Егора — не мигая, не отводя взгляда, будто боится, что парень исчезнет, стоит только моргнуть.

— Я знаю, кто ты, — говорит человек. Голос ровный, как у диспетчера, когда тот зачитывает сводку погоды. — Я ждал тебя. Долго ждал.

Егор не отвечает. Он сжимается, и его плечи почти касаются стены больничного корпуса. Дымов делает шаг в сторону, прикрывая парня собой. Ира переступает с ноги на ногу — ветер пробирает сквозь красную куртку, сырой, промозглый.

— Отойди, — бросает Дымов через плечо. — Вон та дверь, за угол.

Егор не двигается. Его глаза приклеены к человеку в чёрной куртке.

Человек делает шаг вперёд. Свет фонаря падает на его лицо — гладко выбритое, с тёмными мешками под глазами. На лацкане куртки — маленький значок, буква «З», чуть выцветшая. Ира щурится. Она видела такой значок. На папке, которую Звонцов держал под мышкой, когда выходил из приёмного покоя.

— Вы её отец, — говорит она.

Человек переводит взгляд на неё. Взгляд холодный, не улыбочивый.

— Егор, — говорит он, не отвечая ей. — Ты помнишь, что обещал?

Егор сглатывает. Молчит.

— Ты обещал, что будешь жив. Ты обещал, что будешь ждать. — Человек делает ещё шаг. — Ты помнишь, что ты видел?

Дымов поднимает руку.

— Стойте. Никто никуда не пойдёт, пока я не пойму, что здесь происходит.

Человек смотрит на Дымова. Долго. Потом достаёт из нагрудного кармана сложенную бумагу. Разворачивает.

— Водитель, который сбил мою дочь, скрылся. Егор видел его. Егор назвал номер. — Он смотрит на Егора. — Ты назвал номер, Егор. Ты мне сказал.

Егор кивает. Один раз. Коротко.

— Но ты не пошёл в полицию. Ты сказал, что боишься. Ты сказал, что он тебя найдёт. — Человек делает шаг назад. — А теперь ты говоришь, что он — твой брат. Что он дал тебе новую жизнь. Что он подписал твой контракт.

Ира смотрит на Дымова. Дымов смотрит на Егора. Егор смотрит на асфальт.

— Я не понимаю, — говорит Дымов. — Что за брат?

Человек убирает бумагу. Аккуратно сворачивает, прячет

во внутренний карман. И тогда, впервые за всё время, произносит, глядя в глаза Дымову:

— Вы знаете человека по фамилии Звонцов?

Дымов замирает. Ира тоже.

— Я — Звонцов, — говорит человек. — Я — брат Егора. Я — тот, кто дал ему новую жизнь. Я — тот, кто подписал его контракт. Я — тот, кто сбил мою дочь.

Тишина. Ветер шевелит её волосы. Где-то далеко гудит мотор — ночная «Газель» объезжает больницу.

— Вы — отец погибшей, — говорит она. — Вы — отец той девушки, которую вы сами сбили.

Звонцов смотрит на неё.

— Вы — та самая таксистка. Вы — та, кто привезла Егора в больницу. Вы — та, кто работает с Дымовым. — Он делает паузу. — Вы — та, кто три года назад была за рулём на 32-м километре.

Она не отвечает. Молния на куртке дёргается — она сжимает руку в кулак. В кармане пальцы находят серёжку. Маленькую, золотую. Она сжимает её, и острый край впивается в ладонь.

— Я знаю всё, — говорит Звонцов. — Я знаю, что вы были за рулём. Я знаю, что ваши показания замяли. Я знаю, что вы виноваты в той аварии. — Он делает шаг к ней. — Я знаю, что вы платите за других, чтобы отмыться от своей вины. Я знаю, что вы развозите бесплатных «почтальонов», потому что боитесь, что кто-то увидит ваше лицо.

— Это не ваша забота.

— Это моя забота. — Звонцов делает ещё шаг. Между ними теперь полтора метра мокрого асфальта. — Потому что я два года искал того, кто был за рулём. Я два года искал того, кто убил мою дочь. Я думал, что это был водитель грузовика. Я думал, что это был мужчина. Я думал, что это был кто-то, кто сбежал. — Он останавливается. — А потом я узнал, что за рулём была женщина. Что она ехала с выключенными фарами. Что она не остановилась. И что она до сих пор водит машину по ночам.

Она смотрит на него, не отводя глаз. Серёжка впивается в ладонь всё сильнее.

— Вы не знаете, что было в ту ночь.

— Я знаю, что моя дочь умерла.

— Ваша дочь умерла, потому что вы сами её сбили. — Она говорит это тихо, ровно, как повторяет цифры в рации. — Я не была за рулём. Я была в машине. Я видела, что произошло.

Звонцов замирает.

— Вы лжёте.

— Я не лгу. — Она вынимает руки из карманов. — Я была на пассажирском сиденье. За рулём был ваш брат. Он включил фары, чтобы не привлекать внимание. Он не заметил вашу дочь, потому что она шла по обочине без света. Он сбил её и не остановился.

Звонцов смотрит на неё. Долго. Потом переводит взгляд

на Егора.

— Это правда?

Егор молчит.

— Егор. — Голос Звонцова становится тише. — Это правда?

— Я не видел, кто был за рулём, — говорит Егор. — Я видел только номер. И машину.

— Какой номер?

Егор смотрит на неё. Она не отводит взгляда.

— Номер был тот же, что на вашей машине, — говорит она. — Тот же, что на машине вашего брата. Вы оба ездите на одной и той же «Тойоте». Вы оба думали, что ночью никто не заметит разницы.

Звонцов сжимает молнию на куртке.

— Я не верю вам.

Она достаёт из кармана серёжку. Маленькую, золотую. Протягивает на раскрытой ладони.

— Ваша дочь потеряла её в тот вечер. Она была на ней, когда её привезли в больницу. Я забрала её, когда выходила из приёмного покоя. Она лежала на полу. Рядом с каталкой.

Звонцов смотрит на серёжку. Потом на неё.

— Откуда она у вас?

— Я уже сказала. С пола приёмного покоя. Ваша дочь потеряла её, когда её вносили.

Он тянется к серёжке. Она убирает руку.

— Не так быстро. Мы сейчас договоримся.

— О чём?

— О Егоре. О вашем брате. О том, что было в ту ночь.

— Она прячет серёжку в карман. — Вы искали Егора два года, чтобы он подтвердил, что за рулём был кто-то другой. Вы хотели, чтобы он сказал, что не вы сбили свою дочь. Вы хотели, чтобы он назвал имя. Но он не назвал. Потому что он не знал.

Звонцов смотрит на неё, не двигаясь.

— Я знаю, кто был за рулём, — говорит она. — Я видела. И я могу это доказать. Но сначала вы скажете мне, что вы сделали со свидетелями той аварии. Что вы сделали с теми, кто видел ваш номер.

Звонцов молчит.

— Я знаю о трёх. Трое видели вашу машину в ту ночь. Один — пожилой мужчина, который гулял с собакой. Вторая — женщина, которая возвращалась с ночной смены. Третий — парень, который стоял на остановке. — Она делает паузу. — Все трое исчезли. В течение месяца.

Звонцов смотрит на неё. Потом говорит:

— Я не знаю, о чём вы говорите.

— Вы знаете. — Она делает шаг к нему. — Вы знаете, и ваш брат знает. Вы оба заматали следы. Вы оба убирали свидетелей. А теперь вы хотите, чтобы Егор подтвердил вашу версию. Но Егор не подтвердит. Потому что Егор не видел, кто был за рулём.

Егор поднимает голову.

— Я видел.

Она смотрит на него.

— Что ты видел?

— Я видел машину. Я видел номер. — Егор сглатывает. —

Я видел, как она остановилась. На полминуты. Потом уехала. Я стоял на остановке. Я ждал автобус. Я всё видел.

Звонцов делает шаг к нему.

— Егор. Ты помнишь, что я тебе говорил? Ты помнишь, что я обещал, если ты будешь молчать?

Егор кивает.

— Я помню.

— И что ты скажешь сейчас?

Егор смотрит на Звонцова. Потом на неё. Потом на Дымова.

— Я скажу правду. — Он выпрямляется. — Я скажу, что за рулём был мужчина. Я скажу, что он выключил фары. Я скажу, что он не остановился. — Он делает паузу. — Я скажу, что это был не вы.

Звонцов смотрит на него.

— Кто это был?

Егор молчит.

— Кто это был, Егор?

— Я не знаю его имени, — говорит Егор. — Я знаю только, что он был в чёрной куртке. И что он выходил из машины. И что он подошёл к ней. К девушке. Он стоял над ней. Он смотрел на неё. Потом сел в машину и уехал. Он не трогал

её. Не проверял пульс. Не звонил в скорую. Он просто уехал.
Звонцов замирает.

— Вы говорите, что это был не я?

— Я говорю, что это был не вы. — Егор смотрит ему в глаза. — Это был ваш брат. Он был в вашей куртке. Он взял вашу машину. Он сбил вашу дочь. И он уехал. Он оставил её умирать на обочине. А вы взяли на себя вину. Вы взяли на себя всё. Вы платили свидетелям. Вы искали Егора. Вы хотели, чтобы он подтвердил, что это были вы. Потому что вы не могли вынести, что это сделал ваш брат.

Звонцов молчит. Долго. Потом говорит:

— Откуда вы знаете?

— Я знаю, потому что я был там. — Егор делает шаг вперёд. — Я был на той остановке. Я видел, как он сел в машину. Я видел, как он вытер руки. Рукавом. Будто они были в чём-то. Я видел, как он выбросил что-то в кусты. Я подошёл. Это была серёжка. Вашей дочери.

Она смотрит на Егора. Потом на Звонцова.

— Вы знали? — говорит она. — Вы знали, что это был ваш брат?

Звонцов молчит.

— Вы знали, — говорит она. — Вы знали, и вы взяли на себя вину. Вы платили свидетелям. Вы искали Егора. Вы хотели, чтобы он подтвердил вашу версию. Но он не подтвердит. Потому что он видел другого.

Звонцов смотрит на неё. Потом на Егора. Потом на Ды-

мова.

— Я не знал, — говорит он. — Я не знал, что это был он. Я думал, что это был я. Я был пьян. Я помню, как сел за руль. Я помню, как выехал на трассу. Я помню, как что-то ударило в бампер. Я помню, как остановился. Я помню, как вышел. Я помню, как стоял над ней. — Он делает паузу. — Я помню, как уехал. Я помню, как пришёл домой. Я помню, как утром узнал, что она умерла. Я помню, как пошёл в полицию. Я помню, как сказал, что это был я.

— Вы лжёте, — говорит она. — Вы не были пьяны. Вы не были за рулём. Вы были дома. Вы узнали утром. Вы пошли в полицию, потому что ваш брат попросил вас это сделать. Вы взяли на себя вину, потому что он — ваш брат. Потому что он — ваш младший брат. Потому что вы всегда его защищали.

Звонцов молчит.

— Я прав? — говорит она.

Звонцов смотрит на неё. Долго. Потом говорит:

— Да.

Тишина. Ветер шевелит её волосы. Она слышит, как где-то далеко гудит мотор — ночная «Газель» объезжает больницу. Пальцы в кармане снова находят серёжку. Она сжимает её. Острый край впивается в ладонь.

— И что вы собираетесь делать? — говорит она.

— Я не знаю, — говорит Звонцов. — Я не знаю, что мне делать. Я два года жил с мыслью, что я убил свою дочь. Я

два года ненавидел себя. Я два года искал Егора, чтобы он подтвердил, что это был я. А теперь вы говорите, что это был не я. Что это был мой брат.

— Это был ваш брат, — говорит она. — Я видела. Я была на пассажирском сиденье. Я видела, как он сел за руль. Я видела, как он выключил фары. Я видела, как он сбил вашу дочь. Я видела, как он остановился. Я видела, как он вышел. Я видела, как он стоял над ней. Я видела, как он вернулся в машину. Я видела, как он уехал. — Она делает паузу. — Я видела, как он выбросил серёжку в кусты. Я вышла из машины. Я подобрала её. Я решила, что когда-нибудь верну её. Вашей дочери. Или вам.

Звонцов смотрит на неё.

— Вы были в его машине?

— Я была его пассажиром. Я не знала, что он задумал. Я думала, что мы едем домой. Я думала, что он трезв. Я думала, что он остановится. Он не остановился. Он уехал. Я осталась. Я осталась с серёжкой. Я осталась с тем, что видела.

— Почему вы не пошли в полицию?

— Потому что я боялась. Я боялась, что он найдёт меня. Я боялась, что он найдёт мою семью. Я боялась, что он сделает со мной то же, что сделал с вашей дочерью. — Она смотрит на него. — Я боялась. Но теперь я больше не боюсь. Теперь я хочу, чтобы он заплатил.

Звонцов молчит. Потом говорит:

— Я помогу вам.

— Вы поможете мне? — Она усмехается. — Вы поможете мне? Вы — тот, кто взял на себя вину. Вы — тот, кто заметал следы. Вы — тот, кто платил свидетелям. Вы — тот, кто искал Егора, чтобы он подтвердил вашу ложь. Вы — тот, кто пришёл сюда, чтобы забрать его показания. И вы говорите, что поможете мне?

— Я помогу вам, — повторяет Звонцов. — Я помогу вам, потому что я хочу, чтобы мой брат заплатил. Я хочу, чтобы он заплатил за то, что он сделал. Я хочу, чтобы он заплатил за то, что я взял на себя. Я хочу, чтобы он заплатил за то, что он сделал с моей дочерью. Я хочу, чтобы он заплатил за то, что он сделал с вами.

Она смотрит на него.

— Вы знаете, где он сейчас?

— Я знаю, где он был вчера. Я знаю, где он будет завтра. Я знаю, где он живёт. Я знаю, где он работает. Я знаю, где он прячет документы. Я знаю, где он прячет деньги. Я знаю, где он прячет всё.

Она смотрит на него. Потом достаёт серёжку из кармана. Смотрит на неё. Потом протягивает ему.

— Возьмите. Это вашей дочери.

Звонцов берёт серёжку. Смотрит на неё. Потом прячет в нагрудный карман.

— Спасибо, — говорит он.

— Не за что, — говорит она. — Теперь мы квиты.

Звонцов кивает. Потом смотрит на Егора.

— Егор. Ты пойдёшь со мной?

Егор смотрит на неё. Потом на Дымова.

— Я не знаю.

— Ты пойдёшь со мной, — говорит Звонцов. — Ты пойдёшь со мной, потому что я — твой брат. Потому что я — тот, кто дал тебе новую жизнь. Потому что я — тот, кто подписал твой контракт. Потому что я — тот, кто тебя защищает. Ты пойдёшь со мной, и мы вместе пойдём в полицию. Мы вместе расскажем им всё. Мы вместе заставим его заплатить.

Егор молчит. Потом кивает.

— Хорошо.

Звонцов поворачивается к ней.

— Вы — та, кто привезла Егора сюда. Вы — та, кто работает с Дымовым. Вы — та, кто знает правду. Вы — та, кто поможет нам. Вы — та, кто пойдёт с нами.

Она смотрит на него.

— Я пойду с вами. Но не ради вас. Ради Егора. Ради вашей дочери. Ради тех, кто исчез. Ради тех, кто не может говорить. Я пойду с вами, потому что я — та, кто видела. Я — та, кто знает. Я — та, кто скажет правду.

Дымов смотрит на неё.

— Ты уверена?

— Я уверена. — Она смотрит на него. — Я уверена, потому что это — единственный способ. Единственный способ остановить его. Единственный способ заставить его заплатить. Единственный способ вернуть всё, что он забрал.

— Она делает паузу. — Я уверена, потому что я — та, кто видела. Я — та, кто знает. Я — та, кто скажет правду. Я — та, кто не будет больше молчать.

Дымов смотрит на неё. Потом на Егора. Потом на Звонцова.

— Я пойду с вами, — говорит он. — Я пойду с вами, потому что я — врач. Я — тот, кто лечит. Я — тот, кто спасает. Я — тот, кто не даёт умереть. Я пойду с вами, потому что вы — мои пациенты. Все вы. И я не оставлю вас.

Звонцов смотрит на него. Потом на неё. Потом на Егора.
— Тогда идём.

Он поворачивается и идёт к тёмным окнам больницы. Она смотрит ему вслед. Потом достаёт из кармана серёжку. Маленькую, золотую. Смотрит на неё. Потом сжимает в кулаке.

— Теперь я знаю, что делать.

Дымов смотрит на неё.

— Что?

Она прячет серёжку.

— Посмотрим, кто кого переиграет.

Она сжала серёжку в кулаке и усмехнулась: эту партию она выиграет.

Приказ

Борис стоит у распахнутых ворот, спиной к фонарю. Жёлтый круг ложится ему на плечи, лужа у ног отражает свет мутным глазом. Пахнет мазутом и прелой листвой.

— Седьмые, — говорит он, не оборачиваясь. — По расписанию в два ноль пять.

Дымов смотрит на часы. Два ноль три. Минута на то, чтобы решить.

— Борис, — Алёна делает шаг вперёд, красная куртка вспыхивает в свете фонаря. — Нам нужна машина. Прямо сейчас.

Борис медленно поворачивается. Лицо у него широкое, сонное, глаза почти закрыты, но Дымов знает — он не спит. Никогда не спит. Просто так выглядит. В руке у него ключи от «Газели», он перебирает их, и металл позвякивает — тихо, но в ночной тишине этот звук разносится далеко.

— Машина есть, — говорит Борис. — Вопрос, кто едет и куда.

Звонцов стоит у стены, чёрная папка прижата к груди. Он смотрит на Бориса, и Дымов узнаёт этот взгляд — так смотрят на человека, которого уже посчитали и вписали в графу расходов.

— Нам нужно вывезти его, — Дымов кивает на Егора. Тот стоит в тени, ссутулившись, серёжка в ухе ловит свет.

Борис скользит по Егору взглядом, коротко, без интереса. Потом переводит глаза на Алёну.

— Почтальон, — говорит он. — Ты же знаешь, чем это пахнет.

Алёна достаёт пачку сигарет, мятую, наполовину пустую. Щёлкает зажигалкой, прикуривает. Дым уходит в холодный воздух.

— Знаю, Боря. Знаю лучше, чем ты думаешь.

— А я думаю, что ты не знаешь. — Он делает шаг к ней, и ключи в его руке замирают. — Я думаю, что ты не знаешь, кто заказывает музыку в этом городе.

Дымов переводит взгляд с Бориса на Алёну. На её лице — ни одной складки. Только дым, только свет и тень, которая ложится от фонаря поперёк её лба.

— Мне плевать, кто заказывает, — говорит она. — Мне нужно, чтобы он уехал.

— Куда?

— Подальше.

Борис усмехается. Коротко, одними губами.

— Дальше — это туда, где его не найдут. А это, девочка, не туда, куда ездят на такси.

Где-то вдалеке — звук. Дымов напрягается, поворачивает голову. Сирена, далеко, на другом конце района. Но слышно. Ветер доносит её обрывками, и каждый обрывок ложится на плечи тяжелее предыдущего.

Звонцов тоже слышит. Он отлепляется от стены, делает

шаг к Борису.

— У нас нет времени играть в твои игры, — голос у него официальный, как приказ. — Есть приказ о переводе, подписанный сегодня. Если мы не вывезем его до утра...

Борис поднимает руку, и Звонцов замолкает. Рука у Бориса широкая, с чёрными ногтями, с глубокими трещинами на ладонях. Он рассматривает её, будто видит впервые.

— Приказ, — говорит он. — Слышал я про твои приказы. Ты, Звонцов, в своём реестре людей считаешь. А я считаю живых. Так вот, живых, которых ты считаешь, — он делает паузу, и в этой паузе слышно, как ветер шевелит сухие листья под ногами, — не так много, как ты думаешь.

Сирена ближе. Дымов смотрит в сторону звука — там, за забором, движется свет. Патруль. Белый, резкий, он скользит по стене больницы, выхватывает из темноты трещины в штукатурке.

— Борис, — Дымов говорит тихо, так, чтобы слышал только охранник. — Сколько?

— В смысле?

— За выезд. Сколько?

Борис смотрит на него. Долго. Потом переводит взгляд на Алёну.

— Не с него спрос. С неё.

Алёна замирает. Сигарета догорает, пепел падает на асфальт, рассыпается серым пятном.

— С меня? — говорит она. — Боря, я тебе ещё с прошлого

месяца не закрыла. Ты что, забыл?

— Я ничего не забываю. — Борис достаёт из кармана ключи, крутит их на пальце. — Я помню, как ты мне говорила: «Боря, потом, Боря, я привезу». А потом — тишина.

— Была работа, — она сбрасывает пепел. — Люди умирали, понимаешь?

— Все умирают. — Он прячет ключи. — Вопрос — кто платит за то, чтобы они умирали в правильном месте.

Сирена совсем близко. Дымов видит, как свет фар скользит по стене больницы, белый, резкий, как осколок стекла.

— Борис, — Алёна делает шаг к нему. — Скажи цену. Я заплачу.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

— Наличными?

Она молчит. Потом лезет в карман куртки, достаёт кошелёк. Чёрный, потёртый, с застёжкой, которая держится на честном слове.

— Сколько есть.

Борис смотрит на кошелёк. Потом на неё.

— Я же сказал, — говорит он. — Мне нужна не мелочь.

— А что тебе нужно?

Пауза. Длинная, тягучая, как остывший кисель. Дымов слышит, как Егор дышит за спиной — ровно, тяжело, как человек, который привык ждать.

— Мне нужно, — Борис наклоняется, и голос его стано-

вится низким, почти шёпотом, — чтобы ты отдала мне серёжку.

Алёна не двигается. Только пальцы на кошельке белеют.
— Какую серёжку?

— Ту самую, — он смотрит на неё в упор. — Золотую. С маленьким камнем.

Тишина. Только сирена, только ветер в проводах, только звук двигателя где-то за воротами.

Дымов переводит взгляд с Бориса на Алёну. Она стоит, не двигаясь. Он замечает, как она сглатывает.

— Откуда ты...

— Я всё знаю, — Борис разводит руками. — Я ночью стою, я вижу, кто приходит. Я вижу, кто уходит. Ты думала, что ты одна такая — с серёжкой.

Алёна молчит.

— И ещё, — Борис делает шаг ближе, — я знаю, где лежит бумага. Ну, та самая, с уликами против твоего Звонцова.

Звонцов дёргается. Папка в его руках оживает, шелестит страницами.

— Что ты сказал? — голос его срывается.

— А ты не знал? — Борис усмехается. — Твоя почтальонша, она же не просто так возит. Она собирает. Листочки, бумажечки, показания. Всё, что может тебя посадить.

Сирена затихает. Дымов слышит, как хлопает дверца патрульной машины. Голоса — низкие, деловые.

— Борис, — говорит он. — У нас нет времени. Патруль

здесь.

— А у меня есть, — Борис пожимает плечами. — Я на посту всю ночь. А вот у вас, седьмые, время — оно, знаешь ли, тает. Как снег на асфальте.

Алёна стоит, не двигаясь. Потом медленно опускает руку в карман куртки. Дымов видит, как она что-то сжимает в кулаке.

— Серёжка, — говорит она. — Да. У меня.

— Отдай.

— Не отдам просто так.

— Я и не прошу просто так. — Борис смотрит на неё. — Я прошу тебя — отдать мне серёжку. И сказать, где прячешь бумаги против Звонцова.

Звонцов делает шаг вперёд, но Дымов ставит руку ему на грудь.

— Стоять.

— Ты слышал, что он говорит?

— Слышал.

— Это же... — Звонцов сглатывает. — Это же шантаж.

— Да, — говорит Борис. — Шантаж. А ты думал, я тебя по-другому спрошу?

Алёна сжимает кулак. Серёжка впивается в ладонь. Дымов видит, как по её лицу проходит короткая судорога — не боль, нет. Что-то другое.

— Боря, — говорит она. — Это не просто серёжка.

— Знаю.

— Это моя...

— Я знаю, чья это серёжка.

Тишина. Ветер шевелит её волосы. Дымов слышит, как где-то за воротами переговариваются патрульные — голоса низкие, деловые.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает Алёна.

Борис молчит. Потом достаёт из кармана телефон — старый, с треснувшим экраном. Показывает ей.

На экране — фотография. Дымов видит только краем глаза: машина, тёмная, и человек рядом. Лицо расплывчатое, но серёжка в ухе — золотая, с маленьким камнем.

— Узнаёшь? — спрашивает Борис.

Алёна молчит.

— Это ты их снимала? — он говорит тихо. — Три года назад? На 32-м километре?

Дымов чувствует, как воздух густеет. Он переводит взгляд с Бориса на Алёну и видит, как её лицо меняется — не резко, не сразу. Словно маска сползает медленно, с усилием.

— Откуда у тебя это? — спрашивает она.

— У меня всё есть. — Борис прячет телефон. — Вопрос — что у тебя есть для меня.

Алёна смотрит на него. Долго. Потом говорит:

— Бумаги. Они в гараже. Второй бокс, за фанерой, в красной папке.

Борис кивает.

— И серёжку отдай.

Алёна не двигается. Пальцы Алёны разжимаются, серёжка перекачивается на ладонь. Она разглядывает пустые ладони — маленькую, золотую, с тусклым камнем.

— Ты понимаешь, — говорит она, — что это всё, что у меня есть.

— Понимаю.

— Понимаешь, что это всё, что я могу... — Она замолкает, не договаривает.

— Я всё понимаю, — Борис смотрит на неё. — Я ночью стою, я всё вижу.

Он протягивает руку. Алёна сжимает серёжку в кулаке, потом медленно открывает ладонь.

Борис берёт серёжку. Смотрит на неё. Потом прячет в карман — медленно, бережно, как прячут дорогое.

— Я не отдам её тебе, — говорит он. — Но я сделаю так, что она будет знать, где её носят.

Дымов не понимает, что он имеет в виду. Он только видит, как Алёна смотрит на свои руки, и как её пальцы медленно сжимаются снова. Пустота в ладони — она тяжелее камня.

Сирена снова завывает — коротко, один раз. Дымов оборачивается: патрульная машина трогается с места, фары скользят по асфальту.

— У нас три минуты, — говорит он. — Максимум.

Борис кивает. Потом смотрит на Егора, который стоит в тени, и говорит:

— Видел, кто сидел за рулём?

Егор молчит. Стоит, ссутулившись, руки в карманах куртки. Серёжка в ухе ловит свет фонаря.

— Я тебя спрашиваю, парень. Видел?

Егор поднимает голову. В свете фонаря его лицо белое, измученное. Но глаза — ясные.

— Я знаю, кто сидел за рулём, — говорит он.

— И?

— И что?

Борис усмехается.

— И ничего, — говорит он. — Просто хотел убедиться, что ты не слепой.

Он достаёт ключи, крутит их на пальце.

— Так, — говорит он. — Давай его в кузов. И без глупостей.

Дымов берёт Егора за плечо.

— Идём, — говорит он.

Егор не двигается. Смотрит на Бориса.

— А ты? — спрашивает он. — Ты тоже едешь?

— Я рулю, — Борис пожимает плечами. — Кто-то же должен рулить.

— И что ты получишь за то, что довезёшь меня?

— А вот это, парень, не твоя забота.

Егор смотрит на него. Долго. Потом говорит:

— Человек, который связывается с ними, — он кивает в сторону больницы, — обычно получает не то, что хотел.

Борис усмехается. Коротко, одними губами.

— Я привык получать то, что хочу, — говорит он. — А теперь — в кузов. У нас мало времени.

Егор не двигается.

— Я не поеду, пока не скажешь, куда меня везёшь.

— В безопасное место.

— Какое?

Борис смотрит на него. Впервые с интересом.

— Ты, парень, — говорит он, — или смелый, или глупый. Я ещё не решил, что хуже.

— Я не просил меня спасать, — говорит Егор. — Я просил, чтобы меня вывезли. Это разные вещи.

В голосе Егора — железо. Дымов слышит его и удивляется. Ещё час назад этот парень лежал в палате, белый, как простыня, и не мог поднять головы от подушки.

— Ты прав, — говорит Борис. — Разные. Но выбора у тебя нет.

Егор смотрит на него. Потом переводит взгляд на Дымова.

— А ты? — спрашивает он. — Ты тоже считаешь, что выбора нет?

Дымов молчит. Потом говорит:

— Я считаю, что лучше жить и ждать, чем умереть и ничего не ждать.

Егор смотрит на него. Долго. Потом кивает.

— Ладно, — говорит он. — Поехали.

Они усаживают Егора в кузов, укрывают брезентом. Пахнет пылью и бензином. Дымов забирается следом, садится

рядом. Звонцов стоит у кабины, мнётся.

— Я в кабину, — говорит он. — С Борисом.

— Как хочешь, — Дымов пожимает плечами. — Только не мешай ему рулить.

Звонцов смотрит на него. Потом на Бориса.

— Ты же знаешь, — говорит он тихо, — что он нас сдаст. Если будет выгодно.

— Может быть, — говорит Дымов. — Но сейчас нам выгодно, чтобы он не сдал нас до утра.

Звонцов кивает и садится в кабину. Хлопает дверцей — громко, слишком громко.

Борис садится за руль. Заводит двигатель. «Газель» вздрагивает, рычит, и Дымов слышит, как Егор рядом с ним шепчет что-то — то ли молитву, то ли просто слова.

Машина трогается с места. Через щель в брезенте видно, как больница отдаляется — красная, как рана, как закат, который не может погаснуть.

Дымов смотрит на Егора. Тот сидит, обхватив колени руками, и смотрит в одну точку.

— Долго ехать? — спрашивает Егор.

— Не знаю, — говорит Дымов. — Сколько Борис скажет.

— А ты ему веришь?

Дымов молчит. Потом говорит:

— Я верю в то, что у него есть план. А планы у таких людей всегда работают.

Егор смотрит на него. Потом отворачивается.

— Мой брат, — говорит он. — Он тоже верил в чужие планы. До того дня, когда его не стало.

Дымов молчит. Что он может сказать?

В кабине Борис смотрит в зеркало заднего вида. Потом достаёт из кармана серёжку. Смотрит на неё — коротко, как на чужую — и прячет обратно.

— Считай, что договорились, — говорит он Алёне. — Но если завтра Егора не переведут, я сам тебя сдам — и брата, и тебя.

Алёна сидит рядом с ним, смотрит в окно. На тёмную дорогу, на фонари, которые пробегают мимо.

— Слышала?

— Слышала.

— И что ты на это скажешь?

— Ничего, — говорит она. — Я уже всё сказала.

Борис усмехается. Жмёт на газ. Машина уходит в ночь, в темноту, туда, где не видно ни фонарей, ни больницы, ничего.

— А ты, — говорит он, не оборачиваясь. — Ты, часом, не думаешь, что я шучу?

Алёна молчит.

— Потому что я не шучу, — говорит он. — Я умею шутить, но это не тот случай.

Алёна смотрит в окно. За окном — чернота, только изредка проскакивают столбы, и фонари — оранжевые, тусклые, как больные зубы.

— Я знаю, — говорит она.

— Что ты знаешь?

— Что ты не шутишь. Ты никогда не шутишь, Боря. Ты просто говоришь правду, и она звучит как шутка.

Борис усмехается.

— А ты умная, — говорит он. — Жаль, что такая умная.

Алёна молчит. Потом достаёт из кармана пустую пачку сигарет, смотрит на неё, комкает и бросает на пол.

— Держи, — Борис протягивает ей полупустую пачку. — Кури. Только в форточку.

Алёна смотрит на пачку. Потом на него.

— Ты всегда такой добрый? — спрашивает она.

— Только когда я уже получил то, что хотел, — говорит он.

Она берёт пачку, достаёт сигарету, прикуривает. Дым уходит в форточку, как вода в сток.

В кузове Егор смотрит на Дымова.

— Он получил то, что хотел? — спрашивает он.

— Получил, — говорит Дымов. — Серёжку.

— Зачем ему серёжка?

Дымов молчит. Потом говорит:

— Не знаю. Может быть, коллекционирует. Может быть, для чего-то ещё.

— А ты не боишься, что он и тебя разменяет?

Вопрос висит в воздухе. Дымов смотрит на Егора, на его бледное лицо, на глаза, которые смотрят на него в упор.

— Я, — говорит Дымов, — уже разменян. Я уже давно в этом реестре. Так что мне нечего терять.

Егор смотрит на него. Потом отворачивается.

— У всех есть что терять, — говорит он. — Даже у тебя.

Дымов молчит. Он смотрит на свои руки — на них нет ничего. Ни татуировок, ни колец, ни отметин. Только кожа, которая помнит, как держала чужие вещи.

В кабине Борис смотрит в зеркало заднего вида. «Газель» идёт по трассе, ровно, спокойно. Спидометр показывает шестьдесят — не много, но и не мало.

— Зачем тебе серёжка? — спрашивает Алёна.

Борис молчит. Долго. Потом говорит:

— У неё был брат.

— У кого?

— У той, чья серёжка. У девушки с фотографии.

Алёна смотрит на него. В свете приборной панели его лицо — чужое, непроницаемое.

— Её брат, — говорит он, — лежал в больнице. В той самой, где ты работаешь. И ты его выписала. Через три дня его нашли в канаве.

Алёна молчит.

— Я не знал, что это ты, — говорит Борис. — Не знал, что это ты его выписала. Узнал только вчера, когда увидел твою серёжку. Смотрю — а она такая же, как на фотографии.

— Я помню его, — говорит Алёна. — Он был... тяжелый.

— Тяжёлый, — Борис усмехается. — Он был мой. Мой

брат.

Машина идёт по трассе. В кузове Егор смотрит в темноту.

— Ты слышал? — спрашивает он.

— Слышал, — говорит Дымов.

В кабине Алёна смотрит на Бориса. Долго. Потом говорит.

— Я не знала, что он твой.

— Знала бы — что? — Борис смотрит на дорогу. — Выписала бы его раньше? Или позже?

Алёна молчит.

— Он не был тяжёлым, — говорит Борис. — Он был болезненным. А ты его выписала, потому что ему нужно было место в палате. Для кого?

Алёна молчит.

— Для того, кто заплатил больше, — Борис кивает. — Я знаю, как это работает. Я сам так живу.

Он жмёт на газ. Машина ускоряется, и Дымов слышит, как Егор рядом с ним шепчет:

— Он не остановится. Он довезёт нас туда, куда ему нужно, и потом сделает то, что должен.

— Может быть, — говорит Дымов. — Но зато мы доедем. Егор смотрит на него.

— Ты правда так думаешь? — спрашивает он.

— Я думаю, — говорит Дымов, — что жить — это уже половина дела. А вторая половина — ждать.

Егор молчит. Потом говорит:

— А я не знаю, хочу ли я ждать.

Дымов смотрит на него. Потом отворачивается.

— А у тебя нет выбора, — говорит он. — Ты уже в кузове.

Машина идёт по трассе. За окном — ночь, темнота, и редкие огни — жёлтые, белые, красные. Они проскакивают мимо, как искры.

Борис смотрит в зеркало заднего вида. Потом говорит:

— Я отвезу вас в одно место. Там вас встретят. А потом — разойдёмся.

— Как ты узнал про бумаги? — спрашивает Алёна.

Борис усмехается.

— Я знаю много чего, — говорит он. — Я знаю, что Звонцов — не тот, за кого себя выдаёт. Я знаю, что ты собираешь на него досье. Я знаю, что Дымов — не его настоящая фамилия.

Алёна смотрит на него.

— Откуда ты...

— Я стоял на посту, — говорит он. — Я видел, как вы приходили. Как ты приносила бумаги. Как Дымов передавал тебе конверты. Я вижу всё, что происходит в этой больнице. И я делаю вид, что не вижу.

Он замолкает.

— А теперь я решил, что вижу. И хочу получить за это то, что мне положено.

— Что тебе положено? — спрашивает Алёна.

Борис достаёт серёжку из кармана. Смотрит на неё.

— Правда, — говорит он. — Я хочу знать правду о том,

что случилось с моим братом. И я её узнаю. С твоей помощью.

Алёна смотрит на него. Потом отворачивается к окну.

— Ты получишь её, — говорит она. — Когда приедем.

— Я получу её, — говорит Борис. — Или ты не получишь ничего.

Он прячет серёжку в карман. Жмёт на газ. Машина уходит в ночь, в темноту, туда, где не видно ни фонарей, ни больницы, ничего. Дымов слышит, как Егор рядом с ним дышит — ровно, тяжело, как человек, который привык ждать.

Побег

Ира слышит его голос — низкий, с хрипотцой, словно прокуренный. Она трет пустое запястье, где когда-то были часы.

— Четвертый, принято, — говорит она и сама не замечает, как повторяет последние слова диспетчера.

На том конце тишина, только шум мотора. Костя молчит, но она знает: он слышит. Он всегда слышит, как его «Газель» вздрагивает на повороте, а потом щелчок зажигания — он глушит двигатель на полсекунды, просто так, для ритуала.

На столе остывает стакан кефира, привезенный им прошлой сменой. Она не пьет, но пальцы гладят картонный край, будто это его плечо.

В динамике шорох, потом его голос:

— Принято, диспетчер.

И короткий смешок, почти неслышный.

Она задерживает дыхание, но он уже отключился.

Кузов дергается. Дымов прижимает ладонь к металлической стенке, чувствует, как вибрация уходит в локоть. Егор сидит напротив, сжавшись, колени к подбородку. В темноте видно только блеск золотой серьги и белки глаз.

— Что дышим? — спрашивает Дымов.

Егор не отвечает. Слышно, как он дышит — часто, неглубоко. Дымов считает вдохи. Восемь. Девять. Десять.

— Разговор не про то, — говорит он. — Дыши. Ровно.

Егор кивает. Дымов слышит, как воздух входит и выходит, медленнее. Потом снова сбивается.

— Он сказал, что увезёт нас, — шепчет Егор. — Охранник. Куда?

— Сказал — в безопасное место.

— А такое бывает?

Дымов смотрит в темноту кузова. Пахнет брезентом, соляркой, чем-то старым и залежалым. В углу скребется что-то — может, мышь, может, провода.

— Бывает, — говорит он.

Егор молчит. Дымов слышит, как он скребёт пальцами по дну кузова — тихий, ровный звук, будто считает что-то.

— Он мой брат, — говорит Егор.

Дымов не отвечает.

— Звонцов. Он мой брат. Родной. Я не знал.

Дымов смотрит в темноту. Спину ломит, ноющая боль пульсирует в такт дыханию.

— Откуда знаешь, что он тебе не врёт?

— Я видел его лицо, когда он говорил. Он не врёт.

— Люди врут каждый день. Это не признак.

Егор замолкает. Пальцы перестают скрести.

— Я видел, кто был за рулём, — говорит он.

Дымов поворачивает голову. В темноте не видно, но он чувствует, куда смотреть. Туда, где Егор.

— Ты уже говорил.

— Я видел, как он выбросил серёжку. Маленькую такую. Блеснула. Улетела в грязь.

Дымов ждёт. Егор не продолжает.

— И?

— И я её нашёл.

Тишина. Двигатель гудит ровно, колесо где-то стучит, ритмично, как пульс.

— Она у тебя?

— Был у будки. Два дня ходил и смотрел. Не мог найти. А потом нашёл. В грязи. Чистая, будто её положили только что.

Дымов слышит, как Егор дышит — ровнее теперь. Рассказ успокоил его, и дыхание выровнялось.

— Я принёс её в отделение. Отдал доктору. Думал — правильное дело.

— Какому доктору?

— Не знаю. Он сказал, что он врач. На руке был браслет. Я не смотрел на лицо.

Дымов замирает. Пальцы сжимаются в кулак, потом разжимаются.

— Браслет какой? Синий?

— Жёлтый, — говорит Егор. — Жёлтый, с серой полосой.

Дымов молчит. Где-то в темноте он слышит, как Егор переводит дыхание.

— Вы его знаете?

— Принято, — говорит Дымов.

Егор ждёт. Потом говорит:

— Вы не знаете.

— Принято, — повторяет Дымов.

Он разглядывает свои пальцы — белые, с проступающей синевой под ногтями, костяшки выпирают, как сучки на доске. Он видит жёлтый браслет, серую полосу, лицо человека, который взял серёжку. Потом он видит приказ с датой. И подпись.

Звонцов.

— Вы знаете, — говорит Егор.

Дымов не отвечает.

Кузов дёргается. Скрип металла, потом щелчок — задняя дверь открывается. Свет фонаря бьёт в лицо, слепит. Дымов щурится.

— Выходите, — говорит Борис. — Оба. Живее.

Дымов выбирается из кузова. Ноги не держат — он хватается за край, ставит ногу на что-то твёрдое, потом на землю. Под ногами грязь, чавкает. Вокруг темнота — только фары машины освещают полосу асфальта и бетонные стены справа и слева.

— Где мы? — спрашивает Дымов.

— Гараж. Безопасный.

Гараж. Пахнет сырой землёй, соляжкой, ржавым железом. Слева стеллажи с банками, справа старый верстак, покрытый масляными пятнами. В углу что-то большое, накрытое брезентом.

Алёна стоит у кабины, руки в карманах красной куртки.

Застёжка на рукаве брякает при каждом шаге.

— Далеко это место? — спрашивает она.

— До города четыре километра, — говорит Борис. — Пешком не дойти, машиной — десять минут.

— Машиной на чём? — спрашивает Алёна.

Борис кивает на «Газель». Потом открывает капот.

— Бензин кончился.

Звонцов выходит из кабины, поправляет пиджак, сжимает чёрную папку. Он оглядывает гараж, «Газель», Бориса.

— Вы сказали, что везёте нас в безопасное место, — говорит он.

— Везли. Пока бензин не кончился.

— Вы не проверили бензин перед выездом?

Борис не отвечает. Он достаёт из кармана пачку сигарет, закуривает, глубоко затягивается.

— Проверял. Полный бак был.

Звонцов молчит.

— Кто-то слил, — говорит Борис.

Дымов смотрит на него. Борис не отводит взгляд, по-прежнему курит, смотрит куда-то в темноту за гаражом.

— Отсюда полчаса до деревни, — говорит он. — Там есть заправка. Я сгоняю.

— Один? — спрашивает Алёна.

— Один.

Он выбрасывает окурок, топчет его.

— Там знакомые. Должен, хочу — не подведут.

— Я с вами, — говорит Звонцов.

Борис задерживает взгляд на нём, затем говорит:

— У вас папка. С документами. Она в кабине.

Звонцов молчит. Что-то в его лице меняется — Дымов видит, как он сжимает папку крепче, и на пальцах белеют костяшки.

— Бумаги должны быть при владельце, — говорит Звонцов. — Это правило.

— Правило — это когда документ с подписью, — говорит Борис. — А когда на бумаге одна кровь — это не правило. Это груз.

Где-то далеко слышен звук мотора. Дымов замирает. Гул нарастает, потом затихает — машина проезжает по дороге мимо гаража, не останавливаясь.

— Ладно, — говорит Звонцов. — Идите. Я останусь здесь.

Борис кивает. Он смотрит на Алёну, на Егора, потом на Дымова.

— Ворота закроете. Никому не открывать, пока я не постучу три раза.

— Три раза? — спрашивает Алёна.

— Три, — говорит Борис. — И ещё два тихих.

Он уходит в темноту, и они слышат, как его шаги затихают на гравии. Потом всё тихо.

Дымов слышит, как Егор рядом с ним дышит — ровно, тяжело, как человек, который привык ждать.

Алёна стоит у кабины, руки в карманах. Застёжка на ру-

каве брякает, когда она переступает с ноги на ногу.

— Ворота закроем, — говорит она. — Эй, вы.

Звонцов не отвечает. Он смотрит в темноту, где скрылся Борис.

— Ты ему не доверяешь? — спрашивает Алёна.

— Я никому не доверяю, — говорит Звонцов.

— А он — тебе.

— Он умный человек. Это не то же самое.

Она толкает тяжёлую створку гаража, и та с протяжным скрежетом ползёт по земле. Дымов помогает, вжимая плечо в металл, чувствуя, как спина натягивается, отдаёт болью. Ворота сходятся с лязгом, и в наступившей темноте слышно только, как Звонцов дышит — коротко, сбивчиво, как человек, который не привык ждать.

— Так, — говорит Алёна. — Нужен свет.

— Есть фонарь, — говорит Звонцов.

Он достаёт из кармана небольшой фонарик, щёлкает кнопкой. Луч выхватывает из темноты верстак, банки на стеллажах, кучу тряпок в углу. Пахнет маслом, пылью, старым железом. В темноте что-то скребётся — мышь, или просто провода.

Егор садится на ящик, сжимает руки между колен. Дымов стоит у ворот и слушает, как тишина нарастает, становится плотной, как вата.

Алёна ходит по гаражу — шаг, пауза, шаг. Останавливается у верстака, трогает что-то рукой, подносит к лучу фонаря.

— Пыль, — говорит она. — Здесь никого не было год, наверное.

— Здесь была машина, — говорит Звонцов. — Вон, следы от колёс.

Он выхватывает лучом полосу бетона — тёмную, маслянистую, с двумя колеями, ведущими в глубь гаража.

— Движок, — говорит он. — Старый, но живой. Провода целы.

Алёна подходит ближе. Под брезентом — силуэт машины. Она дёргает край, и брезент сползает, открывая бок старой «копейки», облезлой, с торчащей проволокой на бампере.

— Заведётся? — спрашивает Алёна.

Звонцов открывает дверь, садится. Ключ в замке зажигания — он поворачивает. Щелчок, молчание, потом ещё щелчок. Рёв мотора — короткий, хриплый, затихает.

— Аккумулятор не дохлый, — говорит он. — Бензин есть. Может, и заведётся.

Дымов смотрит на него. Звонцов сидит в машине, смотрит на приборную панель, на папку у себя на коленях. Он открывает её, начинает перебирать бумаги.

— Какие документы? — спрашивает Алёна.

— Реестр убытков, — говорит Звонцов. — Стандартная форма. Приказ о переводе. Смета на ремонт.

Он замолкает, смотрит на одну из бумаг.

— Егор, — говорит он. — Подойди сюда.

Егор не поднимает головы.

— Подойди, — повторяет Звонцов.

Егор поднимается, идёт к машине. Дымов видит, как он движется — ровно, как человек, который давно привык подчиняться. Он останавливается у капота, смотрит на Звонцова сверху вниз.

— Смотри, — говорит Звонцов.

Он вытаскивает из папки фотографию, протягивает её Егору. На фотографии — девушка, лет восемнадцати, светлые волосы, улыбается в камеру. Егор смотрит на неё долго, потом смотрит на Звонцова.

— Это моя дочь, — говорит Звонцов.

Егор молчит.

— Ты видел её? — спрашивает Звонцов.

— Нет.

— Но ты видел машину, которая её сбила. Ты был в будке, у дороги. Ты видел номер?

Егор смотрит на фотографию. Дымов видит, как его палец касается края снимка, гладит бумагу.

— Не помню, — говорит он.

Звонцов замолкает. Он убирает фотографию в папку, аккуратно, уголок к уголку. Потом говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.